

ЛИНГВО-ДАЙВИНГ

Вилли Мельников

Художник, поэт, актер, полиглот,
владевший более чем 100 языками.

УЧИТЬ ЯЗЫК ИЛИ УЧИТЬСЯ У ЯЗЫКА?

Перефразируя известное стихотворение раннего В. Маяковского, хочется спросить: «Послушайте! Если грамматику вдалбливают, значит, это кому-то не нужно?..». Действительно: зачастую трудно найти что-нибудь более туго усваиваемое, чем то, что входит в обязательные учебные программы, но, в конечном счёте, оказывается бесполезным в жизни. К этому разряду случаев относится исторически сложившееся обыкновение преподавателей знакомить своих учеников с иностранными языками, начиная с грамматических джунглей, очутившись в которых, учащиеся чувствуют себя горедесантниками, заброшенными во вражеский тыл без оружия и карты, зато – с целым ворохом подробнейших инструкций. Там расписано: сколько дыханий в минуту совершать и с какой силой отталкиваться от земли при прыжке через ручей, но не упомянуто о формах приветствия при встрече с аборигенами тех лесов!

Именно грамматику со Средневековья принято считать локомотивом процесса обучения языкам, и мало кто обращает внимание на то, что топливом этого локомотива являются обиходные речевые конструкции и в особенности – идиомы изучаемого языка. Если бы преподаватели попробовали бы потчевать языками с угощения идиоматикой, уроки не превращались бы в навязшую в зубах ученического восприятия «демянову уху».

По-видимому, исторически произошло забвение профессиональной сверхзадачи: подготовить людей, уверенно владеющих языком, а не дотошных лингвистов! Иными словами, преподаватели продолжают растолковывать ученику: какие мускулы и в какой последовательности сжать-распрямить, да под каким углом поставить ногу, чтобы сделать очередной шаг. И привычно ломаются в открытую дверь: ведь подобные навыки наследственно «вмонтированы» в психику человека. Задача же – в том, чтобы объяснить не сам принцип прямохождения, а различные способы ходьбы по своеобразно пересечённым местностям, коими по сути и являются языки.

Конечно, знание грамматики необходимо, но не в виде зазубренных (в обоих смыслах этого слова!) правил, превращающихся в занудную эпитафию, выбитую на надгробии желания знать язык. Умение разбираться в грамматических тонкостях должно преподноситься как набор игровых принципов, с помощью которых овладевающий языком мог бы формовать характерные для данного языка фразеологические конструкции, не терзаясь: в каком порядке расставить слова. А безусловно необходимая грамматика по старинке представляется угрожающе громоздким, слеplенным из разностилевыми при-поднадстроек зданием, грозящим рухнуть на изначальный интерес к языку. Конечно, всякий инстинктивно постарается отбежать от такого строения подальше: тут уж не до знакомства с

населением дома – парадоксальными, красочными идиомами, захватывающими исключениями и самобытными речевыми оборотами!.. Не бесполезно вспомнить, что в 19 веке российские гимназисты стали произносить слово «учитель», начиная его с буквы «м», именно в адрес преподавателей современных и древних языков. О подобных «ввинчивателях» знаний сказал Дж. Б. Шоу: «Учитель – это профессия, погубившая романистов больше, чем алкоголь».

Описываемое положение дел временами признают и сами языковеды. Так, авторитетный лингвист и методист из Санкт-Петербурга Александр Драгункин, автор курса «Английский язык для энергичных лентяев», признавая продуктивной формулу «мотивация порождает желание», подчёркивает вред «синдрома грамматического отупения» (термин мой. – В. М.) и усмехается: «Вместо того, чтобы изучать химический состав бампера, лучше учитеесь водить машину!». На сходной логике, обогащённой уникальными авторскими разработками по постановке спонтанности речи и думанью на усвояемом языке, основан и комплексный метод Центра языковой психологии (Москва), направленный на ненавязчивый, но действенный прорыв языкового барьера.

Во многих случаях тот, кто постигает иностранный язык, незаметно для себя как бы начинает забывать родной, то и дело спотыкаясь о такой надуманный абсурд, как противопоставление «языка нравящегося» и «языка нелюбимого». В последнюю категорию вполне может соскользнуть и родной язык, поскольку изучающий вдруг ужаснётся: как он всю жизнь мог разговаривать и думать на языке со столь заковыристой грамматикой?! И – попадает в ситуацию той притчевой сороконожки: пожелав разобраться, как же ей удаётся управлять столькими ножками одновременно, она вскоре так запуталась, что уже не смогла сделать ни шагу!..

Мне самому не забыть, как на экзамене по русскому языку в конце восьмого класса я «заслужил» тройку с сильной натяжкой. Обладая природной грамотностью, со второго класса я писал без ошибок в пунктуации и орфографии. На уроках литературы надиктовывал сочинения половине класса, параллельно давая советы по улучшению стилистики. Но на том смешном экзамене оказался не в состоянии сформулировать ни одного грамматического правила (и по сей день не могу!). Экзаменовавшая меня учительница, опустив глаза, промолвила: «Да, ты интуитивно определяешь без ошибки: как писать правильно. Но ведь надо уметь объяснить: почему ты так пишешь!». Помню, не сдержался и ответил: «Выходит, если я не сумею объяснить, почему у меня нет хобота и хвоста, то меня будут считать слоном, а не человеком?..». Учительница лишь печально улыбнулась и тяжело вздохнула...

«Учение – это искусство содействовать открытию», – заметил голландский писатель Марк Ван Дорен. У каждого, погружающегося в иностранный язык, должен рождаться свой, авторский ландшафт последнего. Тогда и наступит открытие, а не беспросветно затяжное заучивание правил, а изучаемый язык обернётся учителем самого себя, гидом по собственным лабиринтам, и в то же время – зеркалом для изучающего, неосознанно становящегося художником своих взаимоотношений с языком. Определим же грамматику как набор разнокалиберных кистей, идиомы и фразеологию – как арсенал красок,

собственное восприятие – как холст. Теперь можно приступать к лингвистической импровизации на заданную тему.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛИНГВО-ДАЙВИНГА.

Лингво-дайвинг – этот термин придумался у меня при очередных расспросах: каковы ощущения, вызываемые знанием нескольких десятков современных и древних языков? Действительно: погружаясь в глубину очередного языка, находишь жемчужин и причудливых кораллов больше, чем ожидал. (Морские аналогии мне приходилось также слышать от германских лингвистов. Они говорят об особенности построения немецкого предложения так: «Немец ныряет в пучину своей фразы и, проплыв с задержкою дыхания под словесными волнами, выныривает на другом берегу с глаголом в зубах!»). Однако даёшь себе слово: при следующем погружении непременно захватить с собою гарпунное ружьё с сонными ампулами – чтобы максимально близко разглядеть нередко хищноватые особенности смысловой структуры языка, в толще которого учишься плавать! В качестве ружья мне удобнее всего использовать постоянное сравнение эмоционально-смысловых красок этого нового для меня языка с многоцветьем высказывания (и думанья!) на языке родном или (что ещё эффективнее!) – уже освоенном иностранном. Но и ружьё довольно скоро перестаёт быть нужным: обнаруживаешь, что не только понимаешь речь обитателей принявшей тебя лингво-бездны, но и они прислушиваются к твоей, всё чаще откликаясь на приглашения погостить в аквариуме привычного для тебя наречия. Следующее чувство здесь – в тебе бутонообразно распускаются жабры для того, чтобы буквально дышать этим языком. Но в то же время для встреч с неиссякаемыми непредсказуемостями любого языка растёт твой гардероб специфических скафандров – умений облачаться в логику мышления народа-носителя языка. И тогда даже самые редкие фразеологические обороты и идиомы – эти поистине глубоководные аборигены лингвистических омутов – согласятся тебя покатать на себе по-дельфиньи. Не случайно, наверное, библейская история-мидраш о пророке Ионе, попавшем во чрево кита, всегда представлялась мне неким метафоросотканым аквалангом ныряльщика в языки. Он не опасается быть проглоченным ими: ему это даже на руку! Изучив этих лингвозавров изнутри, он легко найдёт путь как наружу, так и к новым языкобестиям.

Может показаться, что приступать к освоению языка с весело-увлекательных идиом и житейских слэнговых курьёзов – всё равно, что начинать обед со сладкого десерта, отбивая аппетит к основным блюдам. Но в том-то и дело, что такой десерт лишь «овкуснит» ваше путешествие по лестницам, залам и галереям грамматического здания: в каждой из них вы набредёте на нежданное деликатесное угощение! Жюль Ренар (1864-1910) замечал: «Больше всего мне нравятся пирожные, вкус которых хоть немного напоминает простой хлеб». Если под последним подразумевать грамматику, то вы увидите, каким лакомством она может обернуться. И во многом – благодаря восприятию её как инопланетного пейзажа при постоянном сравнении с ландшафтами родного вам мира. «Благодаря языку мы чувствуем родину краями наших губ» -- писал Конфуций.

Проиллюстрируем занимательность сравнительной идиоматики, перечислив вспоминающиеся навскидку эквиваленты русской поговорки «после дождичка в четверг» и/или «когда рак на горе свиснет»: в латышском – «когда отелится моя сдохшая в прошлом году корова»; в немецком – «когда собаки залают хвостами»; в туарегском – «когда верблюдам надоеет выдавать свои спрятанные крылья за горбы»; во вьетнамском – «когда рис научится вырастать на спине буйвола»; в тибетском – «когда скалы согласятся стать мягче облаков»; в бенгальском – «когда обезьяна поклонится брахману»; в лангедоке – «когда из луны вылупится рыба»; в маори – «когда лодка споткнётся об отражение рыбака в воде»; в бауле – «когда паук соткёт накидку прямо на моём теле»; в фарерском – «когда льдину удастся поджарить»; в ючитэ – «когда конь запряжёт наездника»; в юкагирском – «когда мхи зацветут оленьими рогами»; в венгерском – «когда моя старая шляпа придёт к священнику на исповедь»; в каталонском – «когда куры начнут высиживать котят»; в арамейском – «когда солнце попросит у меня мой костёр, чтобы согреться»; в аварском – «когда порог моего дома научится приветствовать входящих»; в суахили – «когда пески утолят жажду раздумавшей течь рекой»; в японском – «когда меня обнимет моя дочь, зачатая лучом луны в стебле бамбука»; в пушту – «когда окрестные барханы зайдут ко мне попить чаю»; в кечуа – «когда речные камни отправятся на водопой к берегу моря»; в албанском – «когда неумело поджаренная курица обыграет повара в игре в собственные кости»; в инуите – «когда льды станут легче облаков»; в болгарском – «когда зазнавшаяся свинья в жёлтых шлёпанцах на грушу вскарабкается»; в греческом – «когда на смоковнице созреют золотые драхмы»; в хопи – «когда сила, создавшая человека, раскается в содеянном»; в валлийском – «когда угли из очага попросят поделиться с ними обедом»; в шайенне – «когда стебли травы, брошенной в костёр, выпрыгнут из него и начнут вспахивать озеро»; во фламандском – «когда соседский пёс с похмелья посватается к моей домашней кошке»; в малагасийском – «когда лемур выкрикнет имя вселившегося в него духа человеческого предка»; в итальянском – «когда мы будем засыпаны августовским снегопадом»; в лардиле – «когда рыбы начнут ловить людей»; в табасаранском – «когда камень в стене моего дома объявит себя хозяином дома»; в эвенкийском – «когда стрела полетит оперением вперёд»; в сонгай – «когда хворост в костре вспотеет так, что зальёт огонь»; в алакалуфе – «когда летящее копье прокричит зверю: спасайся!»; в бурушаски – «когда морская вода станет пресною, чтобы полить мой сад»; в гавайском пиджэн – «когда медузы заменят стюардесс»; в йоруба – «когда птицы притворятся недозревшими плодами засохшей лианы»; в каталонском – «когда вернётся Гауди и достроит собор Святого Семейства»... А в наречии жителей острова Таити до сих пор бытует оборот, образовавшийся в конце 19 века, когда там поселился художник Поль Гоген: «когда Гоген налоги заплатит».

Подчеркну: буквальное переложение идиом с одного языка на другой предстаёт сколь забавным, столь и весьма действенным дидактическим приёмом. Вспоминается рассказ моего приятеля, известного радиоведущего русской службы Би-Би-Си Севы Новгородцева: «Как-то раз по одной улице в Лондоне впереди меня шли двое. Вдруг один из них чихнул. Другой ахнул: “Тю! Як же ты швыдко хлад спымав!”, что по-украински: “Ой! Как же ты быстро холод поймал!”. Это была калька с английского оборота “to catch the cold” – «простудиться», но как же музыкально и свежо она прозвучала!».

В конце 1970-х годов в Гарвардском университете (США) была предпринята попытка испытать логику компьютера на «осмысливание» идиомы. Выбрали “out of sight, out of mind”, что соответствует русскому «с глаз долой – из сердца вон». Предок искусственного интеллект «разжевал» две эти половинки по отдельности: “out of sight” – «вне поля зрения»; “out of mind” – «вне разума». И выдал своё истолкование человеческой зауми: «Невидимый идиот»...

На компьютер смешно обижаться за то, что он спутал «алгебру с гармонией», но у него начинают брать уроки люди. Пример тому мне встретился в одном американском справочнике по русской фразеологии. В нём народная песня «Ах вы сени мои, сени...» в английском переводе читалась “О, вестибюль мой, вестибюль...”, а смысл вызывающего гнев феминисток «баба с возу – кобыле легче» разъяснялся так: “После того, как женщина покидает транспортное средство, у него появляется шанс значительно повысить скорость”. А в 1920-е пролетарскими переводчиками предлагался обновлённый русский вариант «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго, в оригинале – “Notre Dame de Paris”. Вышло: «Наша дама из Парижа»!.. Достойным эпиграфом для коллекции таких случаев может служить давно «опоговорившаяся» реплика из кинофильма «Суэта сует». На упрек супруги: «Ты столько лет прожил в Москве, а говорить по-русски правильно не научился», герой Ф. Мкртчяна парирует: «Русский язык очень богатый, а я – человек бедный!..». В связи с этим вспоминается сцена, разыгравшаяся на берегу пруда одного из московских лесопарков в начале 1980-х и ставшая лингвистическим анекдотом.

Некий подгулявший кавказец оступился в воду и, топчась на отмели, решил позвать на помощь прохожего, но, будучи не в состоянии вспомнить русское «тону!», выдал следующий эвфемизм: «Эй, дарагой, пасматры: паслэдний раз купаюсь! Абидно, да-а-а?..». К тому же времени относится возникновение полу-шуточной загадки на сообразительность: как по-грузински сказать «здесь и сейчас»? Ответ: «тут и тэперь»!

Из научных курьёзов вспоминается недавний опыт перевода рок-н-ролла “Blue Suede Shoes” («Голубые замшевые туфли») из репертуара Элвиса Пресли на шумерский язык. Там они превратились в «сандалии лазорево-небесной кожи». Перевод сделал профессор Хельсинкского университета Симо Парпола – давний поклонник этого песенного жанра, поэтому вышло очень эквиритмично: припев “Do anything that you wanna do, but uh, uh honey, lay out off my shoes!” («Делай что тебе угодно, дорогая, но держись подальше от моих туфель!») по-шумерски звучит: “Nig-na-me si-ib-ak-ke-en, e-sir kus-za-gin-gu ba-ra-tag-ge-en!”.

Существует особая «порода» идиом, чьё появление спровоцировано встречей событий, далеко разбросанных во времени: словно одна из реалий наших дней, набредая на случай из давно ушедшей эпохи, хватает его и превращает в экзотическую деталь своего костюма. В нём красуется, например, слово-смысло-блок по имени “Гуантанамера”. В среде испанских моряков времён Конкисты (1-я половина 16 века) ходила поговорка: “El guante no ma” – «В перчатках моря не узнаешь». Постепенно на восточной оконечности острова Куба сложился посёлок мастеровых, где корабли вставали на ремонт. Тогда-то в испанское выражение и влился словооборот из языка местных индейцев-карибов: “Гуата-ни-манэ” – «Место, где чинят лодки». Происшедшее смысловое обогащение сформировало широко известный ныне топоним – Гуантанамо, обозначающий американскую военную базу на

Кубе. А одна из самых светлых и праздничных песен в мире – “Guantanamera” – «Девушка из Гуантанамо» посвящена молодой кубинке, работающей у американцев не только уборщицей или официанткой...

Другим смысло-временным перевертнем стал поп-рок-хит группы Smokie “Living next door to Alice” – «Живя по соседству с Эллис», появившийся в начале 1970-х годов и не утративший популярности до сих пор. В происшедшем с ним повинен рассказывающий эти истории.

На начало 1980-х пришёлся один из пиков эмиграции из СССР в США. Я провожал одного своего собрата по музыкальным пристрастиям. Вдвоём читая сборник статей по истории Штатов, мы обнаружили, что в 1907 г. в Нью-йоркской гавани на острове Эллис был построен фильтрационный пункт для иммигрантов. И у нас возникла ироничная идея: объявить название спетого Крисом Норманном посвящения некой Эллис синонимом положения новоприбывших! Спустя некоторое время приятель написал мне, что новое наполнение фразы приживается – как и заброшенные через него в компанию американских поэтов мои неологизмы-кентавры (называю этот стиль «муфтолингва»): “It’s braining!” (brain [головной мозг] + it’s raining [идёт дождь] = «ливень идей!») и “I’m Chinghizkhungry!” (Чингисхан + I’m hungry [я голоден] = «зверски хочу есть!»). Получилось невольная контрабанда авторской идиоматики!..

Впрочем, в самих Соединённых Штатах разговорный “Ameringlish” мгновенно схватывает брошенную кем-то фразу – и она становится новой идиомой или поговоркой, или как минимум – визиткою яркого историко-политического периода. Так, после инаугурации в 2001 г. Дж. Буша-младшего, один из обозревателей усмехнулся: «Недавно президентствовал Дж. Буш-отец. Теперь в должность вступил Дж. Буш-сын. Ликуйте, американцы! Не за горами день, когда президентом станет Дж. Буш-Святой Дух!». А когда в середине 1980-х в США началось неофициальное возведение пышногрудых блондинок в ранг одного из национальных символов, то к традиционной здравнице “God bless America!” («Боже, благослови Америку!») добавилось пародийное “God breast America!” (нечто вроде «Боже, объюсти Америку!»).

Не менее яркие артефакты можно увидеть в репликах героев американского мультсериала “Simpsons”. По рассказам его создателя, Мэтью А. Грейнинга, актёр Дэн Касталпланета, озвучивавший Гомера Симпсона, воспроизвёл звук, помеченный в сценарии как «недовольное ворчание». Получился «присвист-с-подмигиванием»: “D’oh!”, вошедший в американские междометия. Знает ли актёр, что очень похожее слово есть в языке индейцев навахо и означает «чокнутый»!.. Да, американский английский и нынешний виток эволюции русского смотрятся как ментальные кузены! И – как коллеги по лингво-дайвингу...

Осенью 1988 г., совершая поездку по Болгарии, я жадно «пил» этот язык – единственный из славянских, оперирующий артиклями. Начал с надписей на вывесках: “Книжарница” (книжный магазин), “Сладкарница” (кондитерская)... А над входом в магазин грампластинок прочёл: “Грамофони плочи”. И невольно заметил: «Но не естественнее ли для вашего языка говорить “дискарница”?». Мои болгарские друзья восторженно заплодировали.

Когда в той же поездке я впервые услышал слово «барбекю» и отведал это блюдо, мне захотелось узнать его происхождение. Выяснилось: оно – из языков карибских островитян и означает «решётка» (“barbaka”). А в австралийском английском шашлык из кенгуру именуют «барби». И на основе всего этого у меня сложилась очередная авторская идиома: “Barbie-Q” («Барби-Кью») – по аналогии с IQ, как в США принято называть «коэффициент интеллекта». Получилось: «интеллект на уровне куклы Барби».

Летом 2002 г. мы с товарищем по искусству – музыкантом и психологом Дмитрием Хохловски возвращались из Санкт-Петербурга, где участвовали в арт-фестивале. Дмитрий рассказывал о своём пути к изучению языков через лингво-перформанс. Сначала он расширяет ассоциативно-смысловой спектр общеизвестного слова, а затем вкладывает в него непривычные значения, навеянные звучанием, и тут же пытается проинсценировать их. Например, слово «шалунья» у Дмитрия истолковывалось и как разновидность яично-овощной запеканки, и как танец, родственник тарантелле. Мы немедленно решили продолжить этот словарь совместно, предположив, что тамбурин – это не только ударный музыкальный инструмент, но и сорт забывчивости проводника (тамбур-IN), мешающей ему принести в купе заказанный пассажиром чай. А когда я поймал пальцами мотылька-совку, бившегося об оконное стекло, и направился в тамбур со словами: «Пойду, выпущу на волю ночную бабочку», Дмитрий восхитился: «У тебя получилось подобие кальки с какой-нибудь дальневосточной идиомы, означающей намерение поскорее стряхнуть с себя остатки сна!».

Семью годами раньше, мы вместе с известным художником Германом Виноградовым участвовали в арт-фестивале в Царском Селе. Придя после выступления в номер отеля, я включил настольную лампу с широким круглым абажуром – и она пронзительно осветила комнату. Герман воскликнул: «Вилли, скорее выключи её: не надо гестапировать пространство!», произведя новое словечко от ассоциации с допросом в гестапо, где подследственных психологически ослепляли похожими лампами. Так стихийно родилось на редкость ёмкое обозначение крайнего неуютя.

Приведённые выше «экспонаты» могут служить, как показала практика, не только занимательными курьёзами, но и дидактически-игровыми приёмами, помогающими пробить первую брешь в подходах к постижению языков посредством участия в дальнейшей эволюции этих языков. К тому же, такие «незаконнорожденные» идиомы – исключительно эффективные тренажёры для лингво-дайвинга, из-за чего я прозвал их «идиомутами».

Подобные смысловые сплавы известны с древности. Из специально созданных самый знаменитый – слово, придуманное богатым римским покровителем искусств Гаем Цильнием Меценатом, чьё имя стало нарицательным. Ко дню официального провозглашения Августа Октавиана императором Рима (1 августа 710 года от основания Города или, по нынешней хронологии, 1 августа 43 г. до н.э.), Меценат преподнёс аббревиатуру “aera” – “ab exordio regni Augusti” («от начала царствования Августа»), произносимую как «эра».

С конца 15 века европейские естествоиспытатели снабжали сведения, экспериментально ими не подтверждённые, оговоркою “Non testator” – «Не проверено», или просто писали “NT”, что звучало как «энте». Это совпало с немецким “Ente” – «утка». Так образовалась

идиома, означающая проникновение в печать недостоверной информации – «газетная утка».

Из смысловых агглютинаций, сложившихся постепенно, наиболее классическим кажется «карнавал». Этот весёлый термин – плод слияния латинских “Carne vale!” – «Да здравствует плоть!», и “carrus navalis” – «корабль дураков» (буквально: «повозка, подобная кораблю»; кстати, отсюда – название модели венгерских автобусов “Ikarus”). Собственно, это и есть два контекстных стержня всемирно любимых праздников.

Редчайшим неологизмом-агглютинатом (т.е. словом, появившимся при «слипании» частей других слов: по-латыни “agglutinare” – «склеивать») можно считать определение собственной национальности, изобретённое чемпионом мира по гольфу Тайгером Вудсом, в ком течёт кровь африканцев, тайцев, белых, китайцев и североамериканских индейцев: Caucasian + black + Indian + Asian = “Cablinasian”. Спортсмен явно думает не слово-блоками, а мыслеобразами; от рода занятий это не зависит. Вспомним одно из откровений Альберта Эйнштейна: «Слова, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моём механизме мышления. Психические реальности, как элементы мышления – это знаки или образы переменной ясности. Сами же слова не без труда подбираются на следующей стадии установления связи между такими элементами и вырастающими из них логическими понятиями».

Сомерсет Моэм назвал идиоматику «костяком языка». Мне же думается, что грамматический строй можно уподобить костно-мышечному основанию языков, а джунгли идиом – это их нервная и кровеносная системы. Временные же склонения видятся органами чувств. Сколь же они многомерны у хтачингу – исчезающего языка-изолята (Зап. Африка), оперирующего 18-ю прошедшими временами, 23-я настоящими и 41-м будущим!.. Или – вымирающий язык одного из племён Австралийского Барьерного рифа, гуугу-йиммитхирр. Около 700 человек, изъясняющиеся на нём, используют не только почти вшестеро большее количество частей света, но каждую из них окружает стайка специфических времён, взаимослияния которых дают начало новым временным ответвлениям. Чуть более ста человек насчитывает народность чоланайкенов, живущих в Слоновых горах индийского штата Керала. Их язык – изолированный, и содержит невиданное в остальных земных языках количество определений взаимосвязи живых и умерших, столь же привычной для этих индийских «индейцев», как для нас – телефон и Интернет. А цветовая палитра языка йели-днье (о. Россел, Папуа-Новая Гвинея)? Там оттенки-перепады между красками, изменяясь, увлекают за собою и грамматические времена. Думаю, уместно вспомнить постулат философа-культуролога Георгия Гачева: «Национальный склад мышления материально закреплён в словесности народа». Учёный считает, что при переводах рождается «взаимное дразнение языков и культур, образуя заусеницы, при контакте задирающие друг друга». В этом случае и переводчик, и просто изучающий должны стать виртуозами лингво-маникюра: так легко исцарапать причудливые раковины языковых структур, а потом сетовать на их непроницаемость! По словам американского языковеда Чарльза Хоккетта, языки различаются между собою не столько тем, что в них МОЖНО выразить, сколько тем, что в них выразить ЛЕГЧЕ (т.е. естественнее).

Создать универсальный рецепт полиглотства пока не удаётся: с одной стороны – из-за глубоко угнездившегося страха перед запоминанием больших объёмов незнакомых слов (психологи называют такого рода боязнь «инграммой-запечаткой»), с другой – по причине опасения осваивающего язык показаться смешным при попытках произносить непривычные речевые конструкции (и потому они так и остаются на стадии каркаса, превращая намерение изучить язык в вечный недострой!). Невольно вспоминается определение языка, данное журналистом Власом Дорошевичем (1864-1922): «Ключ от собственной тюрьмы, который каждый носит при себе». Но неужели так трудно переключить себя на осознание языка, соответствующее дефиниции Антуана де Ривароля (1753-1801): «Медаль, которую отчеканила история». Так почему бы не получать награды от истории за освоение очередных языков?..

Есть и третий, чуть ли не самый разрушительный фактор: воинствующее нежелание дипломированных лингвистов-преподавателей прислушаться к опыту дилетантов-«мутантов», ставших полиглотами в силу различных жизненных обстоятельств. Официальные специалисты, считая себя кем-то вроде касты верховных священножрецов, косятся на стихийных собирателей языков как на подозрительных чернокнижников, шаманов, обвиняя их, выражаясь по-Набоковски, в «гносеологической гнусности». Или, сравнивая себя с искусными врачами, именуют полиглотов-самоучек «знахарями-неучами». В число последних давно включён и автор данного эссе. Что же, кладбища нередко пополняются благодаря усилиям именно профессиональных врачей, тогда как иной народный целитель успеваеt иногда поймать пациента, уже занёсшего ногу для шага в могилу!.. Смее свидетельствовать об этом, имея официальное образование врача. И не могу не процитировать Станислава Ежи Леца: «Да, Ноев ковчег был построен дилетантами. Зато “Титаник” создавали профессионалы!..».

«Истерика ума» -- так называет подобную реакцию спецов с дипломами создатель уникального пространства межъязыковых вибраций «БИКАПОния Небесного Леса» Герман Виноградов. Его дополняет московский живописец-геометрист Александр “Сан-Сан” Карасёв: «Диалектический экстаз» (не удержусь от прочитывания этого слова как «экс-таз», т.е. “таз прохудившийся и потому уже бывший”). Я же в таких случаях привык выносить диагноз: «ортодоксальное самоскелетирование». Те, кому он адресован, смахивают на героя анекдотной эпопеи – Василь Иваныча. Когда его ординарец вернулся из лётной школы на аэроплане и начал было объяснять устройство самолёта лихому комдиву, тот воскликнул: «Слушай, Петька, ты еньтими словечками мне мозги не решети! Ты сразу сказывай: куды тут седло надевать?..». И в голове снова звучит замечание Станислава Ежи Леца: «Есть люди, даже в молчании которых встречаются грамматические ошибки».

Мы коснулись столь невесёлой грани языкознания не только потому, что в рассматриваемой области у пишущего эти строки, что называется, накопело. При всём моём уважении к профессиональным лингвистам их «цеховая ревность» к колющим глаза дилетантам, игнорирование феномена стихийного полиглотства, зашоренное стремление сразу получить сухой методический экстракт без «воды», отмахивание от биографических деталей человека, сделавших его ходячей библиотекой словарей – все эти компоненты проф-высокомерия лишают их перспективы сделать немало замечательных открытий в избранной ими области знаний. На протяжении многих веков всё это не способствовало

дружбе людей с языками, приучив смотреть на полиглотов как на пришельцев из иных измерений – зачастую с вытекающими отсюда горькими последствиями для этих «пришельцев», вынужденных становиться «ушельцами»...кто успевал, конечно. За пролетевшие столетия ситуация практически не изменилась. Неприязнь и отторжение профессионалов продолжает проявляться в более или менее буйных формах, а «ушельцы», в самом мягком случае награждаемые титулом «сектантских гуру», пробуют в меру сил вести изыскания дальше, время от времени делясь своими находками с теми, кто выказывает доброжелательный интерес.

Эталоном болезненно недоброго интереса для меня навсегда останется особое внимание к моей «языкастости» полковника особого отдела воинской части, куда я прибыл вместе с другими призывниками в июле 1984-го. В то время в моей обойме насчитывалось лишь шесть языков. Воображение гипертрофированно бдительного чекиста не позволило ему представить овладение даже такой горсточкой языков, разве что «на спецкурсах для подрывной антисоветской работы». Мне было предложено в этом «сознаться». Сделай я это, пришлось бы продолжать срочную службу в дисциплинарном батальоне, где возможность выжить подчас меньше, чем на войне. И я решил «спастись» на войне: подал рапорт о зачислении в один из дивизионов 40-й армии, воевавшей тогда в Афганистане. Так мне удалось избежать моего мини-37-го года: достаточно оказалось 84-го, материализовавшегося из названия знаменитого романа Дж. Оруэлла!.. Жаль, что не знакомы мне были популярные аналоги специфических терминов, которыми я попытался было объяснить – и только усугубил ситуацию,,,

Олжас Сулейменов – поэт и исследователь древних письменностей Евразии – в своём фундаментальном труде «Язык письма» (1998 г.) отмечает: «Физика и математика нуждаются в специфическом языке. Гуманитарные же дисциплины и особенно языкознание такое подражание “серьёзным наукам” попросту губит. Складывается впечатление, что лингвистика, утратив цель – исследование природного слова – всю свою энергию употребляет на создание искусственной цеховой речи. Толстенные словари лингвистических терминов по объёму превосходят словари иных живых языков. Очень удобен этот стиль, но наукообразие не заменяет науку. Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвящённые их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской “Книги мёртвых” на полотне, обмотанном вокруг мумии». Трудно не вспомнить не-совсем-шутку, которую я однажды услышал от одного нейрохирурга: «Латынь можно считать мёртвым языком ещё и потому, что чем больше на ней разговаривают врачи, тем меньше шансов у пациента остаться в живых!».

О похожем положении дел пишет и известный отечественный филолог-арабист Н.Н. Вашкевич, разработавший концепцию и методологию симии – науки о сокрытых значениях слов, изучающей причинные связи между знаками и вещным миром, а также об их влиянии друг на друга. Учёному также пришлось неоднократно натолкнуться на клинически агрессивное отторжение коллегами его идей. Н.Н. Вашкевич считает, что беда современной школы состоит в абсолютном непонимании, до какой глубины изучать предметы, а во многом – в ложно истолкованной этимологии слов. Многократно подписываясь под этим утверждением, уверен: исследуя новые подступы к языкам, несерьёзно и вредно считать чем-то вроде побочных продуктов всё, что хотя и принадлежит

народу-носителю, но напрямую не связано с языкознанием. Продуктивен только комплексный подход, только симбиоз контрастов. А один из важнейших компонентов этого симбиоза – психологическая визитка изучающего: тип его темперамента. Трудно переоценить важность этого фактора в овладении языками. Поэтому, вспоминая или моделируя тот или иной эпизод из истории взаимоотношений «человек---язык», мы будем по мере возможности ссылаться и на темперамент людей, вживающихся в иную речь: такой подход может оказаться на редкость функциональным. Помните рисунок Херлуфа Бидструпа «Четыре темперамента», уже давно канонизированный изданиями по психологии? Представителей этих четырёх типов художник «посадил» по очереди на скамейку, «заставив» каждого положить рядом свою шляпу. Во всех случаях прямо на неё садится невнимательный прохожий, безнадёжно её сминая. И вот: холерик взбешённо хватается «вредителя» за грудки; флегматик молча вытаскивает из-под присевшего испорченную шляпу, надевает на голову и продолжает сидеть; меланхолик впадает в отчаянье и заливаётся слезами; сангвиник же хохочет над случившимся вместе с прохожим.

Теперь распределим роли: многострадальная шляпа – это наше намеренье овладеть языком, а опускающийся на неё незнакомец – сам язык. В той или иной степени он неминуемо повлияет на накал нашего намеренья и форму его реализации. Путешествуя по различным подходам к изучению языков, постараемся попутно выяснить: можно ли вывести пропорцию типов темперамента, оптимальную для превращения в существо, называемое полиглотом? Есть ли надежда открыть «золотое сечение» психолингвистики?..

{Что есть Настоящее? Прошлое, ударившееся в футуризм? Или – Будущее, увлечшееся ретро?}

/Автор/

ПРОШЛОЕ

В научном фольклоре российских языковедов есть шуточная притча. Археологи обнаруживают стоянку некоего первобытного племени в пещере, на сводах которой, помимо традиционных фигур зверей, проступает надпись, начертанная неизвестными знаками, похожими на письменность черт и резов. После дешифровки оказалось, что она означает: «Вперёд, к победе рабовладельческого строя – светлого будущего всего человечества!». Как же удалось её прочитать? Очень просто: приглашённые археолингвисты принялись подбрасывать пригоршни найденных здесь же костей съеденных кроманьонцами животных и в образующихся россыпях сперва вычленяли фигуру, осанкой похожую на вождя, затем высматривали склонённых перед ним слуг, а оставшиеся палочки согласно их наклону были в одних случаях «прочитаны» как знаки благоволения старейшины за то, что его понимают без языка, который ещё не развился, а в других – как инструмент наказания тех, кто осмелился раньше времени язык изобретать. Более того: был сделан сенсационный вывод о происхождении клинописных и рунических письменностей от костяных отходов первобытных трапез!.. А соплеменников, осмелившихся овладеть позвоночно-рёберными диалектами других племён, самих превращали в «текст», бросая их пещерным медведям.

Так продолжалось до тех пор, пока вся живность в округе не была съедена, и тогда представители соседних племён взялись «прочитывать» желудками уже друг друга. А голодные и/или сытые утробные урчания стали прообразами мелодики и интонаций будущей речи. Но именно тогда и понадобились первые переводчики, помогающие племенам договариваться раньше, чем те отобедают друг другом! И с тех пор эта профессия остаётся одной из самых рискованных: удачные переводы ценятся высоко, но неудачные стоят дорого... Конечно, здесь мы коснулись области учёного юмора, но через него можно многое разъяснить гораздо более ёмко и иллюстративнее, чем в многотомных (и многотонных) трактатах. К тому же, путь нашей экспедиции лежит не через выжженную дидактичным менторством пустыню, а сквозь живые климатические пояса взаимоотношений человека и языка. А взаимоотношения эти для каждого порождают индивидуальные ландшафты.

Принцип изучения языка не менялся с древности: углубление в новые слова и обороты с одновременной «оттанцовкой» от уже известных. Далее – «снежный ком»: чем дальше под гору катится, тем крупнее становится, и тем больше возрастает его скорость, то есть скорость освоения языка. Когда академик Лев Щерба (автор знаменитой «глокой куздры»), владевший более чем тридцатью языками, успокаивал своих студентов: «Самые трудные для освоения – лишь первые восемнадцать языков!..», это не было издевательством. Эти слова классика языкознания почему-то принято цитировать лишь под рубрикой «Учёные шутят». А ведь это – одна из ситуаций, в которой обрубленное на середине классическое высказывание наложило роковой отпечаток на целый исторический период развития вопроса. Не могу не припомнить родственный этому случай, когда расхожая римская фраза “Mens sana in corpore sano...” -- «В здоровом теле – здоровый дух...» -- благодаря средневековым школярам (кстати, переиначившим Gerundium -- одно из ключевых понятий латинской грамматики – в «ерунду»!) потеряла своё окончание “...desideratum est” – «...желательным является». И смысловой перевод стал таким: «Сила есть – ума не надо»... Крылатую фразу лишили хвостового оперения, и она уже давно вырывает туда, куда выгодно произносящему её...

Следующий пример из этой серии даже страшно вспоминать. Всемирно известная христианская формула «раб Божий» возникла по вине неведомых переводчиков Библии на греческий язык. Они, по-видимому, попросту запутались, сравнивая классический древнееврейский с его «провинциальными» братьями – арамейским, набатейским, моавитским и самарийским. Написанные на них свитки древнее тех, что были положены в основу канонизированного позже библейского текста. А в этих языках слова «собеседник» и «раб» различаются лишь долготой произнесения одной из гласных и более напряжённой выраженностью одной из согласных! Это стало очевидным после находки около 700 древних свитков в 11 пещерах Хирбет-Кумрана близ Мёртвого моря в 1947 г. Излишне добавлять, насколько по-другому могло бы пойти развитие ментальности и история великой христианской цивилизации, и не только её. Что же, и здесь в начале было слово...

Подобно всему этому обесплодили и совет Льва Щербы, «кастрировав» его высказывание. А ведь учёный добавлял: «...Трудно, если вы начнёте братья за языки по одному. Изучайте хотя бы по паре!». Автор этих строк много лет лично убеждается, что это не преувеличение.

Взаимопроникновение языков долгие тысячелетия несло на себе функции основного метода их изучения. Представители одного народа жили в гуще другого – и язык волевым образом буквально впитывался кожей, которую, впрочем, могли и прилюдно содрать по повелению властителя, если не столько взаимонепонимание, сколько нежелание понять соседа по дому или по месту на торговой площади приводило не к одной лишь словесной перепалке!.. Возможно, инстинктивная необходимость предотвращать такие неувязки и породили со временем касту переговорщиков-толмачей, иногда называвшихся «законоговорителями», оглашавшими перед пёстройязычной толпой указы эмира, басилевса, фараона, конунга или тлатоани на пригоршне языков последовательно. В Москве с 15 века были известны Старая и Новая Толмачёвские слободы, где селились переводчики Посольского приказа. Эта память уцелела в названии Толмачёвского переуллка (Замоскворечье) и церкви св. Николая Чудотворца, что в Толмачах. Интересно, что св. Николая, традиционного покровителя мореплавателей, считали своим небесным патроном и переводчики: в апокрифических преданиях упомянуто о способности исторического Николая-угодника, епископа Мирликийского, жившего в 6 веке, «забрасывать в иноземное говорение сети разумения ненасытного своего и многих рыб и иных пречудных бестий думанья чужестранного легко на берег учёнейшего благочестия своего вытягивать».

В скандинавских сагах можно найти сцены, раскрывающие методы познания представителями разных кланов наречий друг друга: пленнику или случайно встреченному викингами путнику сохранялась жизнь и его добро, если он на память мог прочесть или импровизированно сложить висы (одна из форм поэзии скальдов) на языке воинов. А в макамах – арабских средневековых плутовских романах – описан явно невыдуманный эпизод сватовства юноши из семьи строителей оросительных каналов к девушке, чьи родственники наследственно занимались переплётным делом. Такому жениху пришлось пройти нечто вроде краткого предсвадебного курса постижения профессионального говора родителей невесты: вдруг выяснилось, что разного рода занятий ремесленники, живя в одном городе, используют хоть и одинаковые слова, но в различном смысловом соусе!

Мои знакомые египетские археологи улыбаются: «Настоящей сенсацией стала бы находка в одной из гробниц точного арабо-древнеегипетского или англо-хеттского словарей. Это раскрыло бы загадку изучения языков в древности!». Впрочем, один такой «разговорник» был найден около двухсот лет назад – знаменитый Розеттский камень с повторением одного текста на трёх древних языках. Именно он помог Шампольону в расшифровке древнеегипетской письменности. А ведь каменные стелы, помимо культовых и пограничных функций, нередко служили разговорными справочниками для путников, пересекающих границы разноязычных владений. В славянских землях ими иногда становились так называемые «крёстные целования»: помимо иконы с образом Богородицы-охранительницы такие столбы, поставленные на перекрёстках, несли на себе и вырезанные фразы из неписанного кодекса «благонамеренного путника», вселявшие уверенность в том, что случайная встреча с иноязычным прохожим обойдётся без применения оружия. Попутно упомянем об одной версии специалистов по истории древней Руси: согласно ей, князья Борис и Глеб, ставшие жертвами, говоря по-сегодняшнему, заказного убийства и впоследствии канонизированные как первые русские святые, погибли из-за неумения объясниться с наёмниками-варягами на языке последних. А ведь князьям достаточно было начертать на земле перед нагрянувшими викингами краткую ритуальную фразу из дюжины

рун – и те не посмели бы обнажить мечи!.. Но на скандинавских наёмников и их язык на Руси смотрели как на порождения варварства...

В эпоху Великих географических открытий европейцам пришлось вспомнить своих разноплеменных предков: оказываясь при высадке на берег или кораблекрушении среди аборигенов Океании, Австралии или карибских индейцев, путешественники были вынуждены на лету схватывать смысл туземных фраз из-за простого желания не быть съеденными. И некоторые «люди с Луны», как называли папуасы белокожих пришельцев, так преуспевали в знании экзотических языков, что женились на прекрасных островитянках и превращались в контактное звено между Европой и новооткрытыми землями. Сверх того, эти браки в отдельных случаях порождали новые лингво-коктейли, на которых поколениями изъяснялись потомки «разноцветных» пар! Так, например, вышло с праправнуками уцелевших участников экспедиции Лаперуза, предпринятой в 1786 г. и до 1930-х годов считавшейся бесследно исчезнувшей. Или – потомки команды бригаа “Bounty”, в 1792 г. поднявшие мятеж и уведшие корабль в архипелаг Фиджи, где в одном из местных наречий до сих пор можно различить деформированные английские слова и английскую манеру построения фраз.

Меньше известен пример, зафиксированный в Москве дьяками Сибирского приказа, когда вернувшийся из своего первого рейда на Камчатку якутский казак-землепроходец Владимир Атласов поведал об опыте контактов с тамошними племенами «в лето 7205-е» (1697 г.). По свидетельству его спутников, Атласов «умастивал молвление своё реченьями туземными, яко с младости их разумел»: языки к этому человеку буквально прилипали. Рисуя предметы остриём ножа на песке или сухом дереве перед шаманами встречавшихся народов, Атласов, полуграмотный вояка, придумал набор специальных значков-«иссечий» (сейчас их бы назвали «детерминативами»), чтобы отразить не вещественные понятия. Для этого казак всматривался в быт ительменов, коряков, юкагиров, айнов, отслеживая функции и роли предметов, и на основе их формы вычерчивал понятийные ключи. В одном из айнских поселений отряд Атласова повстречал долго прожившего там японца, впоследствии привезённого в Москву: он также пытался сконструировать подобие графем для бесписьменного языка, каким является айну. Увидев «разработки» Атласова, японец изумился: откуда этот светлокочий пришелец знает про элементы некоторых иероглифов?! Впору подумать: такие люди становились неосознанными провозвестниками упоминавшейся выше науки симии...

Некоторые поначалу безуспешные попытки европейцев объясниться с аборигенами порождали забавные курьёзы, которые со временем давали названия общеизвестным реалиям. Из особенно красочных вспоминаются четыре ситуации. В одной «бледнолицы» выпытывали у австралийцев: что это за удивительные животные, в изобилии скачущие по равнине? Аборигены – а это была народность калкадун, отвечали: «Кен-гэру!», что означает «Не понимаю!». Так получил устоявшееся название символ пятого континента. Кстати, в языке калкадун кенгуру называется «уалабохе» -- «те, чей пастух – ветер». Отсюда – англо-австралийское “wallaby” – малый серый кенгуру, и “wallow” – «то, что валяется, сбито ветром». Логическая лингво-цепочка замкнулась! А в другом случае возглас «Не понимаю!» был принят европейцами за название земли. Так появился в Центральной Америке полуостров Юкатан. Третья ситуация возникла в начале 16 века, когда испанские

каравеллы подошли к крупному острову перед входом в залив, который позже станет Мексиканским. На все вопросы моряков местные индейцы отвечали: “Куабо!” («Не понимаем!»). Это и стало названием острова Куба. За четвёртым же «не понимаю» так далеко ходить не надо. Имя родного города автора данного очерка можно перевести как Непонимаевск. «Моосыкку!» -- отвечали люди финно-угорского племени меря неведомо откуда нахлынувшим славянам. Позже эта фраза трансформировалась в “Маасыкуовва” – «переправа у медвежьего болота», и наконец превратилась в «Москву».

К первой трети 17 века относится один из самых драматичных примеров воинствующего непонимания европейцами языковой ментальности коренного населения. Когда голландцы в обмен на дешёвые украшения заполучили от индейцев-ирокезов право десятилетнего пользования стратегически удобным островом у восточного побережья Северной Америки, соорудив там форт Новый Амстердам (будущий Нью-Йорк), эта вытянутая полоса земли называлась Шоанэшкинэак, что на языке гуронов означало: «место, где наши предки не позволят поселиться чужакам». Но по прошествии десяти лет голландцы дали понять, что не собираются ни покидать выгодную землю, ни платить за неё, встретив индейцев мушкетными залпами. И тогда собравшийся на материковом берегу совет вождей постановил называть остров со своим древним кладбищем и святилищами “Ман-хэт-тэн”, что на онейда – одном из ирокезских языков – означает: «Место, где нас обманули»...

В средневековых францисканских, доминиканских, цистерцианских монастырях, а позже – иезуитских коллегиях языки вбивались в головы школяров посредством розог, карцера и отуплявших многократным повторением покаянных молитв. Те, кто на свою беду не сумел скрыть своей способности и тяги к иностранным языкам, вызывали подозрение у окружающих и нередко объявлялись «посланцами сатаны», который, как гласит христианская традиция, изначально повинен во взаимонепонимании людей, хотя в то же время библейская традиция приписывает эту прерогативу Богу, перепутавшему земные языки при строительстве Вавилонской башни. Кстати, название этого зиккурата – «Эттемейнаанки» -- остатки которого можно и сейчас наблюдать на юге Ирака, по одной из версий переводится как «Понимаем друг друга без помощи богов».

Участие Создателя в лингвистических способностях человека издавна стало большой темой богословских диспутов, порой доходивших до потасовок, когда степенные иерархи лупили друг друга свитками со Святым Писанием, крича, что их понимание учения Назарянина Распятого (как в те времена величали Христа) единственно верно, а стало быть, только их родной язык пригоден для того, чтобы славить Господа: все остальные – еретики.

Живший во 2-й половине 4 века историк Эвандр, епископ Никомедийский, незаметно для себя стал полиглотом, увлечшись сбором данных для своего энциклопедического трактата “Против ересей”. Он заговаривал на латыни и греческом с прибывавшими на соборы и диспуты со всех концов Римской империи, недавно официально принявшей христианство, и вскоре плавно переходил на языки гостей. На опасливые вопросы, не нечистый ли ему помогает, Эвандр улыбался: «Бесы мешают христианам слушать друг друга, а я вслушиваюсь – назло бесам!». Всерьёз увлечшись языками, Эвандр придумывал несуществующие ереси – для того, чтобы вложить в уста их фантомных представителей

изобретаемые им самим языки, объясняя это так: «Не могу не пребывать в речевых плаваниях, и для отплытия в новые мне нужны гавани, кои сам построить должен!». Спустя несколько столетий, Эвандровы лингво-причалы послужили средневековым схоластам и мистикам как основы для создания ряда тайнописей, которые, в свою очередь, уже в Новое время стали использоваться как дидактический материал.

Заметим ещё, что именно из тех споров о природе Иисуса вышла идиома «не отступить ни на йоту». Она – эхо серьёзного разногласия среди христиан первых веков, споривших, как называть Бога-Сына по отношению к Богу-Отцу: «Единосушный» или «Подобносушный»? По-гречески первое слово звучит “омоисиос”, а второе – “омойоисиос”, различаясь лишь буквой “йота”! Арианство, отстаивавшее последнюю версию, было объявлено ересью и к началу 7 века сошло на нет. А в адрес слова “эхо” добавим: будучи произнесённым с несколько иной артикуляцией, в греческом оно означает «осёл»...

Один из отцов церкви, святитель Иоанн Златоуст, по происхождению – грек из Каппадокии, края многоязычного, на одном из соборов предложил, по сути, первый известный в истории комплекс методов освоения языков, основанный на живом подходе к переводам священных христианских текстов: «Не в келии надобно перекладывать Слово Божье на наречия племён, под Господень покров идущих, но среди людей, на сих наречиях глаголющих, обретаясь». Это наставление на редкость точно перекликается с советами С.Я.Маршака: «Занимаясь художественным переводом, бросайте взгляд в окно чаще, чем в словарь!».

Св. Иоанн Златоуст жил во времена, когда Блаженный Августин ещё не успел заложить основы христианской демонологии. Её установками со временем и воспользовались те «святые отцы», кто склонен был считать полиглотство не даром Божиим, а свидетельством контракта с сатаной, еретической заумью: «Премудрость мира сего суть безумие пред лицом Господа!». (Замените в этой канонической фразе слово “мира” на «дилетанта», а “Господа” – на «профессионала», и прочтёте правило, по коему продолжает действовать нынешнее психологическое Средневековье!). В число подобных «премудриев» были занесены многие светлые умы, рискнувшие выделяться пристрастием к многоязычию и – о, наглые безбожники! – посмеявшие толковать Св. Писание на презренных говорах диких племён, павшие до освоения речи тёмных варваров! А между тем «мудрствующие еретики» продолжали коллекционировать вновь открываемые языки и сложенные на них мифы и, сами того не ведая, закладывали основы сравнительно-аналитического языкознания.

Одни из самых ярких – разноплановые энциклопедисты-полиглоты, каждый из которых ещё при жизни стал легендой. Их собрал «король-алхимик» Рудольф 2-й Габсбург при своём дворе в Праге в последней трети 16 века, одновременно получив психологический испытательный полигон взаимодействия темпераментов. Носителем флегмо-сангвиничных черт был философ Френсис Бэкон, подозреваемый в создании мифа по имени “Вильям Шекспир”. Взрывчатым флегмо-холериком проявлял себя естествоиспытатель и мистик Джон Ди, записывавший свои «диалоги с ангелами многих уровней» на чётко структурированном, но до сих пор не идентифицированном языке. Скрытыми многоязычными руководствами по погружению в языки людей, животных и даже предметов, считающихся неодушевлёнными, оказываются полотна Джузеппе Арчимбольдо, сангвиника

с меланхолическими вкраплениями. А холеричный сангвиник Фердинанд Макропулос по поручению короля искал эликсир бессмертия, но стал автором не только вереницы открытий в фармакологии, но и поразительного словаря «лекарственно-языковых сопоставлений», основанного на «лингво-химических соответствиях сообразно их взаимовлияниям» и позволявшего «договариваться с материями» на их говорах.

Нельзя не вспомнить британского мыслителя 8 века Алкуина Йоркского, советника и духовника Карла Великого. Алкуин одинаково легко читал коптские папирусы и греческие свитки, персидскую вязь и нортумбрийскую рунопись, галльскую тотемику и пиктский огам. На почтительно-боязливые вопросы о тайне постижения языков мудрец отвечал, что знает об этом не больше спрашивающих, и давал таинственный совет: «Присмотритесь к своим одеждам». Иносказание сколь ёмкое, столь и туманное, но известно: прежде чем начать общение с посланниками, прибывшими ко двору Карла, на их языке, Алкуин разыскивал какую-либо деталь одежды, характерной для страны послов, и носил её несколько дней, не взирая на косые взгляды и усмешки. Последние мгновенно исчезали, когда королевский духовник обращался к гостям на их родном наречии, тем самым обеспечивая успешный исход переговоров.

В Ирландии в 1342 году светскому и церковному суду подверглась некая леди Эллис Кайделле: её обвиняли в лингвистическом колдовстве. Она разработала целый набор отваров и настоек, помогавших играючи осваивать один язык за другим. Страна Эйре всегда отличалась веротерпимостью, и на костёр ведунью не отправили, но записи рецептов и сами зелья, которые сегодня мы бы назвали ноотропными стимуляторами, были уничтожены. Сохранилось лишь предание, что многие из них готовились на основе вереска. А помните балладу Роберта Л. Стивенсона «Вересковый мёд»? Может, в ней как раз описывается отчаянно жестокая попытка шотландцев выведать у пиктов секрет эликсира полиглотства?..

Другой изыскатель (здесь поистине слились понятия «изысканный» и «искать») – Авраамий Смоленский (1-я половина 13 века), самобитный иконописец, основатель известного просветительского центра Руси – Авраамиевского монастыря, и поныне стоящего в Смоленске. (В своём трактате «Слово о небесных светилах» Авраамий поразительно точно описал возможные последствия ядерной войны!..) С детства ненасытный к новым для него словам любого языка, он читал древние рукописи в оригинале, что и вызвало неприязненно-подозрительное внимание духовного начальства, обвинявшего Авраамия в чтении бесовских книг и лжепророчествовании. А его манера изучения языков вызывала суеверный трепет у смолян: Авраамий расхаживал по двору, декламируя фрагменты Евангелия на греческом, латыни, польском, тевтонском, литовском, сирийском... Одному из своих будущих биографов он рассказывал, что разные участки его дома, двора, города настраивают его мыслить на каком-то определённом языке. А места, о своей языковой окраске ещё не возвестившие, ждут от него дальнейшего углубления в мир «иноглаголения».

На проповеди Авраамия собиралась многочисленная паства: каждому хотелось услышать не только добрые жизненные советы, преподносимые превосходным оратором, но и

подивиться, как их пастырь легко произносит мудрости из Библии и трудов святителей на языках первоисточников, тут же переводя на общедоступный для всех язык.

Поистине братом по разуму приходился Авраамию живший за два столетия до него Герберт Аврилакский – один из прототипов доктора Фауста и упоминаемый булгаковским Воландом как автор рукописей, расшифровать которые «таинственный иностранец» якобы и был приглашён в Москву. Герберт стал впоследствии папой римским Сильвестром 2-м, но до конца жизни (умер в 1003 г.) сохранял репутацию обладателя тайных знаний, полученных во время жизни в Барселоне. Там Герберт обучался у арабских мастеров искусству обработки металлов, но прежде всего овладел мавританскими и кордовским диалектами арабского языка, а также вариантами испанского и баскским. Его подход к овладению языками своеобразен. Он смешал в плавильном тигле своего воображения освоенные им языки и делал записи на них всех одновременно, чередуя разноязычные слова в зависимости от того, насколько, на его взгляд, адекватнее применим данный язык для отображения смысловой и эмоциональной насыщенности мысли. Примечательно, что подобным образом поступал М.В.Ломоносов. На удивлённые вопросы окружающих: как при его плотной занятости он успевает осваивать один язык за другим? – учёный объяснял: «В языцах прочих народов отдохновение от трудов нахожу». И начинал декламировать стихи, сочинённые им на освоенных языках. Сходным путём действовал современник Ломоносова – легендарный армянский поэт и дипломат Саят-Нова, сочинявший песни на языке страны, по которой в тот момент путешествовал. Живший в то же время философ Григорий Саввич Сковорода, прозванный «украинским Сократом», владел по меньшей мере пятнадцатью современными и древними языками. По свидетельствам знавших его, Сковорода «в словожаждии был зело ненасытен»: его знакомство с языком начиналось тактильно – он раскрывал книгу на незнакомом ещё языке и водил пальцами по тексту до тех пор, пока не начинал произносить сперва отдельные слова, а потом и фразы на этом языке. Сковороду величали «неотступным отлавливателем говорений, кои сами на его премудрые приманки прилетают». Сам же философ завещал выбить на его надгробии: «Мир меня ловил, но так и не поймал...». Живший в том же 18 веке шведский духовидец Эммануил Сведенборг не был склонен раскрывать своих путей к полиглотству. Но как-то он проговорился, что очередной язык окутывает его как «облако аромата ещё неведомых ему трав», в отвар из коих он погружается, и чьи испарения становятся его дыханием.

Хранитель Ватиканской библиотеки кардинал Джузеппе Меццофанти (19 век) «командовал» войском из почти 110 языков. А основоположнику современной литовской литературы поэту К.Донелайтису не составляло труда начать писать стихотворение на литовском, затем переходить попеременно на русский, немецкий, греческий и заканчивать строфой на латыни. Специалист по культуре Ирана Юрий Марр (сын известного лингвиста-полиглота Н.Я. Марра) привычно чередовал в своих стихах строки на русском, фарси, курдском, арабском. Сотрудник Би-Би-Си Джордж Кэмпбелл работал с 53-я языками.

Вспомним и императора Петра 1-го, привёзшего со своей корабельной «стажировки» ворох не только ремёсел, но и «спектаций над приученьями к языкам европейским, дабы все русские удобнее могли те языки аутодидактом постигать». В Голландии Пётр Алексеевич увлёкся игрою в «пилькентафель» – прообраз нынешнего бильярда, и «в сей шарокатательной забаве премногую языковую научаемость усмотрел». Осколком угля Пётр

нацарапывал на деревянной столешнице иноземные слова, и катал шары, стремясь «проехать» по надписи и произнося слово. «Шар – гонец мой: новые словеса мне доставляет!» -- шутил молодой царь.

Итак, вряд ли покажется преувеличением определение Ральфа Эмерсона: «Язык – это город, на построение которого каждый человек, живший на земле, принёс свой камень». Хотя мы вправе добавить: иногда он оказывался надгробным. Достаточно вспомнить пару одиозных личностей, имевших отношение к полиглотству. Одна из них – Яков Блюмкин, чекист от эсеров. В 1920-е годы он принимал участие в ряде дипмиссий Советской Республики и поражал спутников мгновенным вживанием в язык страны, по которой проходило странствие дипкурьеров. На вопросы заинтригованных сотрудников: как ему это удаётся? – Блюмкин усмехался: «Вокруг много женщин, говорящих по-местному. А я знаю женщин!..». Полиглотство стало одним из слагаемых обвинения Я. Блюмкина в шпионаже. Он был расстрелян в 1929 г.

Другой персонаж – выпускник Гейдельбергского университета, магистр философии Оскар фон Дирленвангер, потомок рыцарей – участников крестовых походов, знавший около двадцати языков. Он был тем самым оберштурмбанфюрером, командовавшим эсэсовской ротой, уничтожившей белорусское село Хатынь вместе с жителями. На вопросы сослуживцев: почему при его способностях он всё ещё не говорит по-русски, «ариец» отвечал: “Schweinesprache!” («Свиньячья речь!»)...

Что до меня, то мой путь к полиглотству оказался возможным во многом благодаря обыкновению записывать свои поэтические тексты словами контрастных по отношению друг к другу языков в соответствии с внутренней колористикой высказывания. Именно так у меня и выкристаллизовался один из авторских жанров – многоязычные стихи-ковры, названные «лингвогобеленами»: по мере сочинения художественного текста изменяется мой настрой – и меняется язык, природный строй которого соответствует моей настроенческой ступени. Ведь невозможно петь песню на одной ноте! И однажды такое «пение» обнаружило недюжинный психотерапевтический потенциал. Те, кому доводилось слышать, как я озвучиваю мои «поэзо-ковры», не переводя с экзотических языков, из которых «сплёл» их, спустя некоторое время (от недели до месяца) начинали настаивать: открой, о чём всё-таки говорится в этих многоязычных полотнах? Оказалось, что после тех «аудио-обработок», сопровождаемых созерцанием разноцветоязычных мозаик, некоторые слушатели ощутили не только желание освоить те или иные языки, но и состояние оптимизма, улучшение памяти, концентрации внимания и значительное ослабление затяжных депрессий, иногда – вплоть до их исчезновения. У других же без видимой причины появлялись ощущения тревоги, фатального приближения неприятностей и даже желания забыть родной язык. Всё это побудило меня провести целевой сравнительный эксперимент на добровольцах – людях разных образовательных уровней, менталитетов, возрастов, национальностей и темпераментов, но объединённых интересом к поэзии. Тщательно учитывались исходные состояния испытуемых, их ощущения после «инъекций» текстов, сочинённых на языках в определённых сочетаниях, а также в конкретных временных дозах. Полученные результаты обрабатывал биометрическими методами (такими как способ Колмогорова-Смирнова, с подсчётом критериев достоверности по Стьюденту-Фишеру), известными мне по исследовательской работе в Институте вирусологии, научным сотрудником которого

являюсь. Часть приводимых данных была уточнена и обогащена участием автора в тренинг-семинарах психолога и соционика из Санкт-Петербурга Григория Рейнина, экспериментирующего с активацией в памяти латентных («спящих») языков: под конец эксперимента добровольцы-испытуемые проходили состояние, сходное со ступенчатым пробуждением от нежелательного сна. Им, по сути, и являлось вошедшее в привычку антиязыковое само-консервирование. Но после того, как я вслух производил описание обстановки комнаты или вида из окна поочерёдно на контрастных друг другу языках, из уст участников опыта начали вырываться отдельные слова, непонятные им самим, но более чем в 80% случаев вполне осмысленные. Если таковые принадлежали древним языкам, то одновременно с их произнесением испытуемые на заранее розданных листках бумаги начерчивали «почеркушки», в 65-70% случаев «попадавшие» в реальные графемы тех языков. А в финале прослушивания речевых блоков из ныне звучащих языков три четверти участников записывали (русскими буквами) не вполне точные, но узнаваемые архаичные формы слов услышанных языков.

Выяснилось, что на сангвников, чья уравновешенность несёт в себе вкрапления холеричных проявлений, благоприятно влияют стихи на смеси языков северо-американских индейцев (особенно – алгонкинской группы), романских языков с вкраплениями словооборотов из европейских изолятов (албанский, баскский) и какого-либо кельтского языка. Пропорция описанной «микстуры» равнялась 4:1:7. Отторжение (вплоть до слабой пульсирующей боли в височных областях) у прихолеренных сангвников вызывали дравидские и германские (исключая скандинавские) языки. Симпатией, переходящей в активное изучение, пользовались при этом греческий, сербский, китайский и финно-угорские языки. У флегмо-сангвников показатели были сходными, вот только выслушивание франкоязычных стихов вызывало быструю усталость и раздражительность, проходившие в процессе погружения в строки, написанные на фарси или синдхи. Самыми поэтично звучащими объявлялись венгерский и исландский, а также тандем коптского и итальянского.

Флегматики, умеренно инкрустированные холерико-меланхолическими фрагментами, отдавали предпочтение как психоиммуностимуляторам языкам тибето-бирманской и/или семито-хамитской групп, в то же время вдохновлявших на освоение романских и западнославянских языков. Эмоциональный подъём, трансформировавшийся в изучение языков и даже в попытки сочинять на них поэзо-миниатюры, испытывался при созерцании/слушании японских, индийских и испанских текстов в пропорции 3:5:8. Члены данной группы испытуемых жаловались на безотчётную тревогу и сонливость после 7-12-минутного чтения им текстов на берберских и тюркских языках. Этот эффект значительно ослабевал при аудиовизуальном воздействии текстов на американском английском, латышском и цыганском (кэлдэрарском) языках. Наступала активизация усвоения немецкого, испанского, арабского языков.

Испытуемых с профилирующим типом холериков пришлось разделить на две подгруппы. В первой ярко проступали меланхолио-флегматичные проявления. Этим людям нравилось созерцать бенгальские, персидские и древнеегипетские тексты, причём наблюдались сполохи интуитивных догадок об их содержании, если при этом вслух читались стихи на венгерском или айну. Максимальный душевный комфорт достигался демонстрацией и озвучиванием поэтических строк на санскрите, андаманском, чжурчжэне, гэлльском,

испанском в пропорции 5:2:6:7:5. Утомление наиболее явно выражалось после сочетанного звучания немецкого, финского и французского (3:5:3), переходя в желание писать поверх этих текстов отдельные, наугад выбранные слова на нравящихся языках и прикладывать получаемые палимпсесты к голове (это помогало!). Некоторые участники опытов уверяли, что листы одного и того же сорта бумаги, покрытые словами и даже отдельными буквами какого-то языка, будучи сминаемы, «шуршат с характерным акцентом»! Это можно было бы считать за забавный самовнушенческий эффект, но распознавание «акцента сминания» в большинстве случаев предшествовало прочтению вслух текстов на позже смятых листках. Без комментариев...

Вторая подгруппа, состоявшая из практически не «разбавленных» холериков, существенно не отличалась от предыдущей. Её члены предпочитали разглядывать китайскую иероглифику, одновременно внимая чтению стихотворений на греческом, чешском, немецком и алакалуфе в соотношении 1:4:3:7, и просили поскорее прекратить читать на романских языках.

Наконец, добровольцы, чьё мировосприятие проходит сквозь более или менее мощный слой «чёрной желчи»: именно это означает по-гречески слово «меланхолия». Носители данного типа просили подольше задержаться на чтении текстов на полинезийских языках с небольшими палеоазиатскими, сербскими и кельтскими вставками (8:2:3:3). Угнетающе действовали комбинации из языков банту, скандинавских, тюркских и финно-угорских языков (7:7:3:5). Китайские и японские строки скоро начинали раздражать, а пиктография на мохенджо-даро и кохау ронго-ронго надолго приковывала к себе внимание. Не менее 70% испытуемых этой группы высказали желание изучать древние языки Востока и Европы. Последующие контакты показали, что три четверти из них реализовали это намерение.

Таким образом, впору говорить о (поззо-) лингво-терапии, не только способствующей сносу внутренних барьеров на пути к освоению языков, но и напрямую влияющей на психоиммунный статус человека: вместо того, чтобы писать собственную историю болезней, он становится автором повествования о своей неподверженности им – через многоязычие. Я убеждён: когда-нибудь различные сочетания языков будут прописывать в рецептах, как сегодня – капли, таблетки или физиопроцедуры. Неизбежно разовьётся лингвофармакология: ведь воздействие звучания/созерцания/чтения разноязычных текстов, особенно поэтических, на психосоматику человека очевидно. Известно, что фармацевты подразделяют составные части лекарственных препаратов на три группы: constituents (Ct) – основное вещество; *adjuvantis* (Av) – вспомогательный компонент; *corrigenis* (Cr) – соединение, улучшающее вкус лекарства. В свете терапевтического воздействия языков последние также поддаются разделению на подобные группы. Основываясь на собственном опыте, приведу образцы таких триад.

Первыми из них себя обнаружили связки: {итальянский (Ct) – датский (Av) – навахо (Cr)}; {венгерский (Ct) – инуит (Av) – словенский (Cr)}; {японский (Ct) – суахили (Av) – баскский (Cr)}; {исландский (Ct) – греческий (Av) – древнеегипетский (Cr)}; {тибетский (Ct) – люксембургский (Av) – орхони (Cr)}. Как видно, приведённые триплеты состоят из далеко не родственных языков. Вероятно, здесь мы имеем дело с проявлением синергидного эффекта. Как и в обычной медицине, где препараты, различные по формуле, способу

введения и транспортировке в тканях спасают организм именно в силу контрастности, то есть формируют синергизм действия, так же, судя по всему, ведут себя и языки. При этом первый голос остаётся за содержанием «вводимого» текста, независимо от того, доступно ли пациенту дословное прочтение принимаемого лингво-лекарства или нет. В большинстве случаев ощущения подсказывают слушающему, что ему читают: стихотворение или же инструкцию к пылесосу. Называю это «стихо-оттворением слуха», а достигнутый терапевтический эффект – «свихо-сварением». Ему подвластны даже «непокобелемые» противники поэзии, вероятно, находя свой поэнизм – психологический фермент, расщепляющий банальный взгляд на мир.

Среди переводчиков давно бытует сколь красивое, столь и снайперское наблюдение: даже предельно адекватный художественный перевод подобен цветочному букету, накрытому стеклянным колпаком; цветы хорошо видны, но аромата нет!.. Мне же переводчики всегда казались стрелочниками: они определяют, на какой путь направить локомотив с вагонами смыслов, и первыми подвергаются критике заполняющих вагоны пассажиров-читателей. Зато в переводческом деле столкновения «поездов» всегда продуктивны. Один переводчик преподносит свою версию оригинала в виде изящного пассажирского экспресса, другой превращает то же произведение в перегруженный грохочущий товарняк. И, попав на одну колею, они демонстрируют наблюдателю выявившиеся чужеродности и/или эвритмию.

Поэзия непереводаема в принципе. Но участники вышеописанного эксперимента настояли на переводе хотя бы части принятых ими «поэзо-снадобий». Пришлось переводить собственные верлибры, написанные в духе «личной мифологии». Привожу фрагменты использованных лингвобеленов, которым сначала предписывалась функция плуга для вспахивания целинного сознания испытуемых перед засеиванием языками.

Группа сангвиников подвергалась воздействию такого текста: «Научись у своего тотема перегрызать пустоту, сковавшую тебя с тенями водовороботов, захлебнувшихся собственными верчениями и объевшихся зачерствелыми сердцевинами позапрошлых вечностей. Посадить время за решётку календаря – значит спрятаться в неумении жить вне времени. В озере смысла, подслащённом непереводаемостями, горячие ключи клокочут с оледеневшими интонациями...».

Флегматикам предлагалось следующее: «Прозрачный панцирь пернатой черепахи – окно в тайну самоочищения неба от звёздной чешуи. Пещера, отрезвлённая своей тупиковостью – лучший лекарь для стен, опьянённых окнами в них. Отсверки в призраках стёкол – бьющиеся об усталость дверей попытки камней присниться себе хрупкими, как лунная атмосфера...».

Холерики «выпивали» строки: «Если в тебя вторгается иномерье, чей капризный раздробьём хочет втиснуться в твои новизнания и проникноверу – собери сшелушившиеся с надменности зеркал отражения недосмотревшихся в них и смешай со своим мастерством дожидаться возрождемонов памяти, которые самоопределяются от амальгамы...».

Меланхоликам достались такие образы: «Важно выпроснуться из легенды до того, как раскрошибки её до-верия сцементируются в моно-лик, чьей точке кипения не замкнуть строку пятном росы. Назови острова сгущённого небытия среди пересохшей океанимы именами раздумавших рождаться божеств, скормленных жрецами вечно голодным безымянностям...».

Не раз убеждался: самое действенное освоение языков – через построение из них своего личного арт-пространства. “Креатив” -- латинский аналог слова «творчество» -- сегодня так популярен, что никто не в состоянии вспомнить о его более ёмком греческом синониме “поэзис”, обозначающем далеко не только лишь стихосложение, но уникальное авторское творение вообще. А через него дорога к многоязычию сколь эффектна, столь и эффективна. Скажу больше. Уже тридцать лет занимаясь художественной фотографией, осмелюсь сравнить стихотворчество с фиксажем (или закрепителем), без обработки в котором проявленное на фотобумаге изображение быстро покрывается тёмной вуалью и исчезает, унося с собою в дальтоничное небытие все краски-языки. Конечно, есть приверженцы только чёрно-белой фотографии – как и те, кто привык отметить необходимость и/или удовольствие знать не только свой родной язык. Но, признавая за фото-монохромом свойства, недоступные цветным снимкам, продолжаю считать подобных “лингво-патриотов” наполовину слепо-глухо-немыми. Известен эпизод, когда поэта Евгения Винокурова спросили: почему он не знает английского языка? И услышали в ответ: «Хороший поэт должен многое не знать». Считаю это на редкость беспомощной «самоотмазкой» и чуть ли не клиническим проявлением нарциссизма. Что же, языки почти никогда не соглашаются стать удобрением для взращивания плоскодумия.

Многократно проверял я на себе и других эффективность «отраслевого» восприятия языков, индивидуального для каждого. Разумеется, если вам покажется наиболее органичным думать о спорте по-итальянски, то это не будет означать того, что читать спортивные новости в английской газете для вас станет неприемлемым! Просто вы нашли свой внутренний эмоционально-ассоциативный унисон. Видимо, не без основания замечал испанский король Карл 5-й (1500 – 1558): «С Богом я говорю по-испански, с женщинами – по-итальянски, с мужчинами – по-французски, а с моими лошадьми – по-немецки».

Надёжным помощником может стать закольцовывание особенностей языка с историческими событиями, о которых изучающему всегда хотелось узнать поподробнее. Здесь встречается ещё один вспомогательный парадокс: об этих событиях не обязательно хочется рассказать на языке страны, где они произошли. Например, о Ливонской войне (2-я половина 16 века) мне само собою думалось по-японски, а Византийские хроники хотелось переписать на языках индейцев доколумбового Юкатана. Возможно, мнемоническим топливом здесь выступает восприятие истории как ландшафта, ждущего: когда его начнут засаживать древами языковых структур, заселять фауной речевых оборотов и застраивать зданиями индивидуальных восприятий. Но самое важное – объединят их в одну психолингвистическую нишу.

Почти злюсь, когда слышу определение: «мёртвые языки». Трудно выдумать более абсурдно-издевательский оксюморон! На древних языках, конечно, не пишут рекламных «мантр», но на них столь органично можно описывать поэтические странствия по

сегодняшнему миру, что называть такие языки умершими – всё равно, что взяться спиливать роскошное дерево лишь потому, что осенью оно сбросило листву, став похожим на засохшее. Языки умолкнувшие (предпочитаю называть их именно так!) просто ожидают их реактивации. Они подобны впавшим в спячку животным (в применении к языкам назовём это «лингво-гибернацией»). И если даже не осталось в живых никого, из чьих уст эти наречия могли бы звучать, «спящие» языки оказываются осязаемым, захватывающим подспорьем в освоении языков современных. Неоднократно я испытывал на себе их эффект психоэмоциональных катализаторов, формирующих нечто вроде входного портала в анатомию и физиологию языков нынешних. Роль географии их распространения здесь минимальна.

Вспоминается “Sefer ha-Zohar” («Книга славы») – одна из главных частей, составляющих Каббалу. Там можно прочесть сообщение Рабби Симеона Бар-Йохаи, датированное началом 2-го века, о встрече жителей Земли с существом из мира Арква. Рассказ пришельца о его звёздной системе зачаровал слушающих, но больше всего потрясло людей то, с какой лёгкостью он сходу заговорил на их родном ханаанском наречии! На просьбы поделиться секретом столь волшебного освоения языка инопланетянин ответил: «Мы все рождаемся такими. Наша раса говорит на всех языках Вселенной. Чем больше языков мы впитываем, тем совершеннее приручаем время, повелевая течь в разных направлениях, расщепляться на отдельные потоки, или приостанавливаться. Мы выпиваем из темени чужака ещё не произнесённые и незнакомые нам речи, но при этом нам с трудом удаётся сохранять ясным рассудок: всякое иноземное говорение для нас поначалу суть крепкий хмель. Я не в силах сделать вас подобными, но могу одарить вас языком моего мира». Далее описано, как «аркванавт» выпростал из-под зеленовато-бронзового одеяния дюжину рук-лучей и, дождавшись, когда теменные и височные области голов землян исторгли синеватые опалесцирующие гало, нанизал последние на свои лучи, введя людей в состояние дремоты. Очнувшись, все услышали в себе собственные мысли, гулко отдающиеся эхом языка пришельца. Впоследствии же выяснилось, что члены семьи приобрели ещё и способность управлять временем. Именно их потомков стали называть “баал-шемм” – «хозяева времени». Отсюда – русское «волшебник» и перевёрнутое «Шамбала».

Аналогичная ситуация описывается в древнем ирландском предании «Ойсинн в стране Тир-На-Нуог», обитатели которой легко усваивают языки, прохаживаясь по доскам, на которых вырезаны иноязычные тексты: «Они топчут чужие письмена, дабы впоследствии вещать на них как на врождённых изначально».

{Грамматика – это клетка, которая иногда берёт у запертой в ней птицы уроки умения летать.}

/Автор/

НАСТОЯЩЕЕ

Мнение многих исследователей: мифы – не что иное, как иносказательно изложенная, обросшая сказочными деталями потаённая история цивилизаций. Поэтому вполне

вероятно, что в приведённых двух случаях речь идёт о каких-то давно утраченных методиках овладения языками. В этом смысле не столь уж смешно-абсурдно начинать казаться сцена из сатирической кино-притчи Г. Данелии «Кин-Дза-Дза!», где аборигены планеты Плюк на лету «снимают» с угодивших туда землян родные языки последних – русский и грузинский! Или – другой шедевр ненаучной фантастики: эпопея Кира Булычёва (он же – В. Можейко, учёный-востоковед) «Девочка с Земли»; главная героиня осваивает язык далёкой планеты, пройдя сеанс «гипнопедии»: полчаса дремоты и лёгкого жужжания в голове.

Здесь я бы не прочь позволить себе ироничную улыбку. Однако, участвуя в качестве солдата срочной службы в боевых действиях в Афганистане (1984-85 гг.), сам поневоле оказался пропущенным через аналогичный «сеанс»: после контузии взрывной волной и «полёта за горизонт земной жизни» стал носителем того, что американские психоневрологи именуют “channeling” – «образование канала». По прошествии более трёх лет, наполненных укрощением головных болей, началось лавинообразное вчувствование-впитывание современных и древних языков, продолжающееся и поныне. Конечно, языки зачаровывали меня с детства: я любил раскрывать атлас мира и как непрерывный текст декламировал географические названия какой-нибудь страны, стараясь соблюдать безакцентное произношение, которое сверял по радиоприёмнику: крутил колесо настройки и «повисал на языках» у дикторов. Возможно, именно это послужило своего рода премедикацией – так в биологии называют введение в организм особых препаратов, подготавливающих (сенситизирующих) иммунную систему к наиболее эффективной встрече основных лекарств. Много позже я узнал, что сходным образом приступает к очередным языкам и флегмо-меланхолик Юрий Соломахин – известный спортивный журналист, изъясняющийся и читающий на более чем сорока языках.

Из Афганистана я привёз букет тамошних наречий: мне доводилось много общаться с местными жителями, и их речь как-то органично входила в мой психологический обмен веществ. Я то и дело восхищался многозначностью и цветастостью словооборотов простых крестьян, а они недоумевали: как у меня сразу получается произносить их родные слова так чисто?.. Близ Герата мне встретился дервиш-суфий. Я показал ему свои первые стихи на дари. Он сдержанно улыбнулся и произнёс что-то на похожем, но всё-таки другом языке. Только после того, как он написал по моей просьбе свою фразу на ближайшей глинобитной стене, до меня как сквозь дымку дошёл её смысл: «Рубаи подобает на фарси слагать!». И зачем-то приложил к моему левому виску небольшой медный кумган (узкогорлый чайник), сказав: “Чэраг ра роушен конид, пенджэрэ ра баз конид” («Зажги свет и открой окно»). Спустя полгода контуженным оказался именно этот отдел мозга: в левой височной доле расположены зоны, ведающие знаковыми структурами (так называемая зона Вернике).

Не хочу нагонять никакой бутафорской таинственности. Мой случай – не единственный в этой категории. Нечто родственное произошло (и происходит) в жизни моего давнего соратника по искусству – художника-визионера Владимира “Эврики! Джангла” Толстова, введшего для определения происходящего с ним понятие «арходелики». В начале 1999 г. он начал зарисовывать-записывать хлынувшие в его сознание строки на непонятных ему самому языках, на поверку оказавшиеся вариантами письменности доколумбовой Центральной Америки. Около 80% этих “messages” поддаются переводу и сведены В.

Толстовым в палеолингвистический арт-поэзо-цикл «Пролавента». К этой же категории можно отнести и часть творческого наследия московского поэта Дмитрия Евгеньевича Авалиани (1938-2003), обнаружившего (1993 г.) возможность написания поэтических текстов «танцующими» буквами, которые при переворачивании образуют слово, раскрывающее дополнительное смыслоизмерение неперевернутого варианта – и высказывание становится парадоксально-афористичным унисоном либо оксюмороном и развёртывается в философско-притчевый театр визуального слова. Сочинённые в этом жанре тексты, названные Д.Е. Авалиани «листовертами», ведут себя, как разумные существа, чей орган мышления – «внутренняя ассоциативно-смысловая пружина» (по определению самого автора). Кстати, сванская фамилия «Авалиани» происходит от персидского «эввелен» – «наипервейший в чём-то, первопроходец». А «листоверты», как и ещё один авторский жанр поэта – «двоевзоры», показали себя ёмкими помощниками при «вныривании» в новоизучаемую речь: оказалось, что в них проглядывают графемы и даже краткие слова из самых разных языков. И это при том, что сам Д.Е. Авалиани не владел ни одним иностранным языком...

Мне посчастливилось приятельствовать с Генрихом Сапгиром – классиком отечественного литературного нонконформизма (т.е. одним из писателей, чьи произведения шли вразрез с официозными советскими идеологическими установками). Однажды он в один присест покрыл тринадцать листов бумаги псевдо-письменами, непонятными ему самому. Позже он говорил: «Я чувствовал себя, как факс, принимающий сообщения!». При внимательном же рассмотрении я обнаружил: в выплеснутых Г. В. Сапгиром строках – немало вполне связных разноязычных слов, и сделал свои варианты прочтения. Получилась совместная поэтическая книга, которую мы назвали «13 Ниоткуда». Собственно переводами, конечно, эти стихи назвать было нельзя, и я придумал жанру название – «медитанцы».

Или взять мою «сестру по полиглотству», уроженку г. Анапы Наталью Бекетову (ныне живёт в Финляндии под именем Tatti Valo): она, будучи старшеклассницей, перенесла целую череду внезапных потерь сознания, после чего начала говорить на языках, коих никогда не изучала, а изучаемые стали «вливаться» в память как бы сами собой. Известен также случай с Джорджем Эвансом Смитом, сотрудником Британского археологического музея (2-я половина 19 века). Он владел французским и немецким языками, немного знал арабский, мог читать на древнееврейском. Но, занимаясь систематизацией материалов, поступавших с тогда ещё недавно начавшихся раскопок древних городов Ближнего Востока, Греции, Крита, Египта, Дж. Смит обнаружил: вглядываясь в тексты глиняных табличек, папирусов, прорисовок петроглифов, он необъяснимым образом понимал общий смысл начертанного и описывал открывавшиеся ему пейзажи. Проведённые на протяжении 20 столетия дешифровки этих языков, не читаемых при жизни учёного, подтвердили правильность того, что вряд ли можно назвать просто «прочтением». Разумеется, при всей своей правдивости примеры эти выглядят фантастично, но главный их минус – откровенная неприменимость в плане обучения, невозможность ни объяснить в устоявшихся ныне понятиях, ни тем более поставить на поток. Самое же обидное – в том, что, не желая изучать такие случаи, специалисты предпочитают разводиться руками, недобро усмехаясь: «Тут явно – рука из космоса!». Кстати, о космосе.

Мой отец, Роберт Иванович Мельников, был авторитетным специалистом по бортовой аппаратуре (Московский Институт космических исследований). Он долгие годы работал в программе «Интеркосмос» и пересказывал мне многие свои беседы с космонавтами международных экипажей орбитальных станций «Салют» и «Мир». Иностранцы участники полётов, конечно, проходили предварительный курс обучения русскому языку, но настоящее овладение им происходило в процессе совместного бытования на станции, причём не через контакты по рабочим вопросам, а главным образом благодаря общению на отвлечённые темы. Большинство космонавтов главным учебным пособием величали расстилавшуюся за иллюминатором Землю. Из этого совсем не следует, что тематика разговоров была непременно географической. Земные ландшафты оказались идеальным фоном, будто заранее оттягивающим на себя трудности в подборе слов и возможные недопонимания. Они, по словам индийского космонавта, словно падали на Землю, сгорая в атмосфере. А один из французских инженеров, приехавших в Москву во время осуществления космического проекта «Аркад» (2-я пол. 1970-х гг.), как-то признался: «Лучше запоминаю значения любых русских слов, если при этом обвожу взглядом приборные стенды и схемы!». А ведь последние также можно рассматривать как варианты ландшафта, субтекстовые структуры: они сами, не будучи собственно текстами, выполняют функцию бустеров – препаратов, облегчающих усвоение организмом основного лекарства. Для меня аналогом такого вещества была и остаётся дорога. В юности, будучи студентом Московской ветеринарной академии, я тратил на путь до вуза чуть больше часа. И обнаружил: непроницаемая стена тоннеля за окном поезда метро может послужить прекрасной грифельной доской, если писать внутренним взглядом. Несмотря на всю внешнюю лиричность этого высказывания, оно содержит чёткую методическую установку: называю её «смысло-фоно-рикошетом». Проносимый за окном ландшафтный фон одновременно оказывается и адсорбентом психоэмоционального шлака, и наждачно-шлифовальным кругом для обработки скульптуры индивидуального восприятия языка. В дорогу я брал заранее заготовленное бумажное кольцо-манжет, на внешнюю сторону которого наносил слова изучаемого языка, а с внутренней – точно напротив – писались их значения на языке, уже освоенном. Этот браслетик «дежурил» в моём кармане, и время от времени я, надевая его на ладонь, большим пальцем вращал этот обруч, словно чётки: бусинками служили новые слова. Какой-либо обязательной нормы усвоения не было: она зависела от моего состояния и занятости в тот день. Но в среднем удавалось впитывать от двадцати до сорока слов в день; при этом каждые четвёртые-пятые сутки становились днём-паузой. Нужно учесть и то, что такой вырезанный из ватмана браслет был не один: в другом кармане гнездились два-три его «соратника», несущие на себе лексические единицы следующих языков.

Поколения меломанов, чья юность пришлась на 1950-70-е годы, не дадут мне соврать: получив первый словарный запас английского языка из джаза, фолк- и/или рок-музыки, те из них, кому знакомство с языком лишь в рамках текстов песен показалось тесноватым, заметили, что чем больше нравится мелодия, тем легче вживаешься в ткань новых слов и интонаций. Чего только стоит «культовая» песня “Экспресс на Чаттануга-Чучу”, ставшая своего рода гимном стиляг (название этого городка на индейском языке чикасав означает: “место, где пасутся пугливые лошади”). Когда мне случалось осознавать, что позорно не владеть языками, на которых поются столь нравящиеся мне песни, я запоминал текст, ещё не понимая в нём ни слова, и придумывал для его записи особые буквицы. А спустя

некоторое время обнаружил: в моём сознании происходит ассоциативная музыкально-графическая кодировка данного языка, помечающая его неповторимым «паспортным» маркером. Так в моём восприятии начал развиваться некий банк лингво-дактилоскопии. Ключами к его файлам стали любимые музыкальные композиции: их я частично записывал на слух нотной грамотой, переплетая её с текстом. А когда пришла очередь языков, где тоновая мелодика – основной носитель смысла, мне показалось органичным изобрести специальные символы – как для тонов, так и для возникающих при их произнесении пейзажей (назвал это «эмоциями» -- тем, что рождается при слиянии эмоций и ассоциаций). И китайская фраза, снабжённая такими над- и подстрочными значками, выглядела подобно трёхэтажному сэндвичу, каждый слой которого был приготовлен в традициях различных национальных кухонь. Возможно, кому-то такой подход покажется чересчур усложнённым «маслом масляным», но, найденный вслепую, он оказался действенным дидактическим приёмом.

Композитор Владимир Мартынов высказал мнение: «Заканчивается время грамматики, последовательного дискурса. На исходе эпоха линейности. Иероглиф – синтетичен. Слабое место алфавитной письменности – выделяется один фрагмент восприятия, не просто визуальный, а линейно-визуальный. Теряется многомерность, присущая, например, слуховому восприятию» (апрель 2007 г.).

Что касается овладения иероглификой, то знаю по себе: очень помогает увлечение историей архитектуры. Однажды мне открылось, что китайские графемы совсем не обязательно напоминают пагоды и дацаны. Иероглифы архитектурно универсальны, и если их запоминание посредством разбивки на инициалы и финалы покажется запутывающим, то на помощь придут ассоциации из зодчества, значительно облегчив ваш “memory-building” (рискну ввести такой термин!). И если в китайских иероглифах можно заметить перекрёст византийского и романского стилей с фасадными элементами ампира, то японская письменность может предстать в виде галереи строений в манере арт-деко; её усиливает хай-тек слоговых азбук – катаканы и хираганы. А вот шумерская и аккадская клинописи (в арабском она именуется “гвоздеписью”) откровенно напоминают готические соборы. Древнеегипетская иероглифика вызвала у меня в памяти, как ни странно, псковско-новгородские храмы домонгольской Руси, крито-минойская – дворцы в мавританском стиле “мануэлино”, а знаки надписей ацтеков и майя – особняки, воздвигнутые в манере ар-нуво и эклектики эпохи модернизма, но вместо привычной комнатной планировки состоящие из лестничных переплетений.

Хорошим эмоциативным подспорьем оказывается также проведение ландшафтных параллелей, особенно – пост-урбанистских, рождающихся на стыке городской цивилизации и естественной природной среды. Этот приём оказывается действенным и для большинства прочих языков, в том числе европейских. Достаточно вспомнить замечание из записных книжек Марка Твена: «Некоторые немецкие слова настолько длинны, что их можно наблюдать в перспективе. Когда смотришь вдоль такого слова, оно сужается к концу, как рельсы железнодорожного пути». Добавлю лишь, что немецкие артикли – три определённых и один неопределённый, вместе с их видоизменениями привносят в язык семафорную палитру, чьё сочетание красок весьма усложнило бы работу машиниста, будь оно перенесено в реальный мир железнодорожных сообщений!..

В изучении экзотических, с европейской точки зрения, языков мне когда-то неожиданно помогли «занебесье» и «заземелье»: увлечения астрофизикой и спелеологией. В первом случае, просматривая репродукции старинных звёздных атласов (особенно – составленного польским астрономом 17 века Яном Гевелием), я поразился необъяснимому сходству фигур существ и предметов, иллюстрирующих названия созвездий, с письменностями ряда языков. Так, антропоморфные фигуры (Персей, Орион и другие) оказывали мнемоническую помощь при овладении китайским, тангутом, чжурчжэнем, наси-доньба, яванским, харапским: я мысленно формировал из населяющих созвездие космических объектов тексты, вкладывая их в уста небесных персонажей и заставляя говорить друг с другом на изучаемых мною языках, а также рассуждать по поводу созвездий, олицетворённых бессловесными персонажами. Созвездия, чьи «визитки» украшены неодушевлёнными предметами (Секстант, Щит, Весы...), способствовали усвоению письма, основанного на знаках деванагари (санскрит, гуджарати, тибетский), и германских языков, как и письменностей, пользующейся арабской вязью.

Поразительным оказалось и то, что алгебраические характеристики звёзд, туманностей, комет, метеорных потоков в большинстве случаев предстали подобиями структурных параметров данного языка: и те, и другие, изображённые рисуночно, делали видимыми профили их лучшего восприятия. Например, взаимными парафразами оказывались спектральные классы звёзд и колебания смысловых интонаций языка, сведённые в несложные диаграммные графики. Сама же «со-звёздная» фигура-символ принимала значение титульной идеограммы (или, по терминологии Владимира Толстова, «тотемного оператора»), также подлежащего прочтению. Для такой сравнительной паралингвистики я ввёл понятие: «фрактальная дактилоскопия».

Но если специфика вышеописанного подхода требует маломальского владения математическими приёмами, то можно обойтись без них, привлекая в языкознание спелеологию: продвигаясь по пещерным галереям, гротам, кальдерам, колодцам, сифонам, ловишь себя на ощущении, будто перемещаешься по тканям организма интересующего тебя языка, в усвоении которого помогают величина и форма подземных полостей, особенности звучания под их сводами голоса. Даже в заброшенных каменоломнях в Подмосковье, где лабиринты ходов расположены на одинаковой глубине, можно было моделировать перепады грамматических категорий и мелодики языков в соответствии с личностным вчувствованием в *Genius loci* – «дух места» какого-либо отрезка пути. Через экспедиции по вырубленным столетия назад в залежах известняка-доломита штольням началось когда-то моё вхождение в некоторые индейские, африканские языки, особенно – в языки-изоляты: «включению» в последние особенно способствовали галереи, изобилующие резкими поворотами и сужениями.

Описания сходных ощущений мне встретились много позже в мемуарах знаменитого французского спелеолога Норбера Кастерэ «Моя жизнь под землёй», а именно – в главе «Духовность пещер». Увы, в русское издание конца 1970-х она не была включена, оставшись не переведённой как «не представляющая интереса для советского читателя»...

При углублении в иероглифические и слоговые письменности в выигрыше оказываются поклонники искусства, причём – в большей степени, чем сами создатели произведений

(если говорить о ныне здравствующих авторах). Видимо, происходит подсознательное сопоставление иероглифов и наиболее запомнившихся арт-композиций: как по линии сходства, так и по принципу контраста. Мне однажды бросилось в глаза: японская письменность успешнее постигается теми, кто в музыке предпочитает симфо-поп-рок (особенно в духе поздних “Electric Light Orchestra”), мелодический хард-рок (вроде групп “Deep Purple” или “Foreigner”), первые альбомы “Led Zeppelin”, краут-рок, музыку кантри (её Нэшвилльские стили), монументальную раздумчивость “Dire Straights”, партии из опер Дж. Россини и/или канцоны эпохи Ренессанса. Из визуальных жанров этим людям ближе всего живопись прерафаэлитов, Лукаса Кранаха-Старшего, Яна Вермеера, Каспара Д. Фридриха, Э. Мунка, Рене Магритта, Поля Дэльво, Павла Филонова, византийские мозаики, но далеко не всегда (как ни парадоксально!) – картины К. Хокусая или Утамаро. Большинству встречавшихся мне «японистов» нравились мультимедийные инсталляции, неорусский архитектурный стиль. В поэзии они вдохновлялись Артюром Рембо, Осипом Мандельштамом, Андреем Белым, Федерико Г. Лоркой, Диланом Томасом, Джимом Моррисоном, Франсуа Вийоном и почти всегда – японскими поэтами, около 70% из которых приходилось на старые школы (8-17 веков), а остальная часть принадлежала современной поэзии “гэндайси”.

Пристрастившиеся (именно так!) к китайскому языку обожали авангардный джаз, ритм-энд-блюз, концептуальную эпiku в духе “Pink Floyd”, рок-гимны квартета “Queen”, ранние альбомы “The Beatles”, песенные ландшафты ирландской вокалистки Енуа, классику авторской песни, оперы Р. Вагнера (преимущественно “Тангейзер”), электронные пьесы Клауса Шульце, психоделику “Velvet Underground” и “Moody Blues”, акустические композиции Марка Болана и его “T. Rex”, музыку эпохи барокко. Из визуального искусства предпочтения отдавались импрессионизму, урбанистическим пейзажам, соц-арту, японской живописи “укиё-э”, русской иконописи, российским художникам-нонконформистам (особенно – пространственно-кинетическим структурам В. Колейчука и Ф. Инфантэ), стилям ар-нуво и готике. «Китаисты» чаще всего проникались стихами Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой, античными поэтами, немецкими экспрессионистами, ОБЭРИУтами, ранним Андреем Вознесенским, французскими сюрреалистами, японской литературой эпохи Хэйан.

Если приверженцы японского языка в среднем являли собою смешанный сангвинико-холеричный тип (в соотношении примерно 4:1), то «подсевшие» на китайскую иероглифику оказывались в большинстве случаев флегмо-меланхолио-сангвиниками (приблизительная пропорция – 3:1:5). Любопытно, что между двумя описанными лагерями лингво-фанов не прерывается спор: какой из двух языков – наиболее интересный и изысканный? Пусть их помирят японское слово “кандзи”, буквально означающее «ханьская письменность» (по китайской династии Хань, правившей с 206 г. до н.э. по 221 г. н.э.), что равносильно определению «китайская грамота», только со знаком, обратным тому, что укоренился в русском смысле этой словесной пары. Не забудем, что греческое “иероглиф” буквально переводится как «священные письмена». Первоначально этот термин относился к древнеегипетским текстам, став позже нарицательным для всех непонятных европейцу знаков. А непонятное пугает!.. Так в сознании возвращается иероглиффобия, которая сродни одному из направлений философии агностицизма – иероглифизму: согласно ему, ощущения человека не отражают объективно существующие вещи и их свойства, а являются лишь их абстрактными символами-тенями. Вот такой призрак непостижимости и

заставляет ужаснувшегося спотыкаться о собственную тень! А ведь во избежание этого достаточно вообразить, что вам понадобилось выяснить: как выглядит некто? Ваши действия: выслушаете/прочтёте громоздкое описание внешности этого человека или попросите показать его портрет? Уверен, что выберете второй вариант! Аналогичнейшим образом обстоит дело и с изучением иероглифики, компактно и фантастически красиво кодирующей предметы и понятия. Плюс сознание актуальности владения ею.

Стоит добавить: японцы на первых порах изучения английского языка испытывают серьёзные трудности. Ведь в их родном языке звуки во всех случаях произносятся одинаково, а в английском – то и дело по-разному!..

Самым героическим примером старания освоить иностранную речь для меня остаётся рвение шолоховского героя Макара Нагульнова из «Поднятой целины», истинного холерика, в ожидании мировой революции вгрызавшегося в английский, «чтобы с мировой конторой на едном языке разговаривать». Нагульнов, сам того не подозревая, даже делает забавное психолингвистическое наблюдение: в английском, мол, многие слова – русские, только буржуи к ним свои шипящие хвосты поприделали. К примеру, “револьюшн”. Видать, злоствуют!..

Другой холерик чистой воды – полководец А. В. Суворов, одним из любимых выражений которого, кроме восклицания «помилуй Бог!», было: «Горжусь, что я русский!» (впрочем, его мать была армянкой). К иноземным языкам он относился настороженно, проецируя на них свою неприязнь к склонности отечественной аристократии «прииностраниваться», хотя сам ещё в отрочестве постиг латынь и древнегреческий, читая античных философов, и мог бесконечно цитировать наизусть Шекспира в оригинале. Будучи от рождения болезненным, Суворов придумал себе режимы закалки, нагрузив комплекс физических упражнений «должностию наставнической, дабы в языках преуспеть»: с разными стадиями тренировок будущий полководец ассоциативно закольцовывал эмоционально-смысловую начинку интересовавших его языков, а позиции тела при различных упражнениях увязывал со словами и фразами изучаемого языка, выкрикивая их в соответствующие моменты. С лёгкого языка Суворова, иноземные словообороты усваивали многие солдаты, даже не понимая их буквального значения. Достаточно было того, что им обозначалась та или иная ситуация армейского быта.

В мемуарах остался разговор великого воителя с Екатериной 2-й. На ироничный вопрос императрицы: почему бы ему не снизойти до изучения немецкого – её родного языка, тем выказав уважение царствующей персоне, Суворов отвечал: «Я, Ваше Величество, опасаясь: вдруг при наступлении забудусь да и отдам команду по-немецки, а русские пули да порох сего конфуза не поймут и дальше останутся в ружьях спать!». Однако же полководец охотно использовал западные военные термины (виктория, ретирада, деташмент и т.д.), с улыбкою объясняя это так: «За них пардону просить не надобно. Мы их в наше войско приняли, да с ними и харч из словес вкуснее есть стало!».

Флегмо-холерик Сальвадор Дали вспоминал, как в минуты хандры его ненаглядная Галя, сказав с укором: «Не заставляй свою живопись огорчаться!», начинала читать ему страницу за страницей Пушкина. И Дали, не понимавший ни слова по-русски, вскоре чувствовал

новый прилив сил и идей! Вспомним попутно, что сам А. С. Пушкин, самостоятельно выучив английский только затем, чтобы читать Байрона, произносил английские слова по принципу «что пишется – то и слышится», чем немало веселил владевших языком друзей и смеялся сам.

Локомотивное значение вдохновляющего фактора со вкусом обыграно в известном в своё время советском кинофильме «Баламут». Главному герою, студенту экономического вуза, катастрофически не даётся английский – во многом из-за принуждения зубрить по старым, давно окарикатурившимся методам. Бедняга сидел и «долбил»: “Who is John’s mother? Who is John’s father?..”. Но, уже отправившись оформлять документы на отчисление, он вдруг встречает прекрасную студентку из англоязычной страны и неожиданно для себя заговаривает с ней на правильном языке. Отчисление отменяется.

Только для того, чтобы читать пьесы Г. Ибсена в оригинале, Ф. Энгельс в шестидесятилетнем возрасте выучил норвежский. Очень хорошо его понимаю: сам когда-то освоил французский лишь затем, чтобы прочитать составленный учёными из Сорбонны сборник статей “Психопатологические аспекты живописи Иеронимуса Босха”.

А спустя полстолетия после того, как В. Маяковский вообразил себя «негром преклонных годов», который «русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», наши отечественные битломаны придумали образовательный лозунг: «Английский я выучу только за то, что им разговаривал Леннон!». Здесь трудно не упомянуть об эпизоде середины 17 века. Король Франции Людовик 14-й как-то спросил у одного из придворных: владеет ли тот испанским? Придворный ответил, что нет, но, решив, что король задумал определить его на лестную должность посланника в Испании, начал усиленно брать уроки языка, и вскоре весьма сносно мог читать и объясняться. Когда же на аудиенции он сообщил об этом Людовику, Король-Солнце улыбнулся: «Поздравляю, рад за Вас! Теперь Вы сможете прочесть “Дон-Кихота” в оригинале!».

Многие лингвисты, преподающие русский язык иностранцам, свидетельствуют, как «изнеможённо стонут» их ученики, называя русскую грамматику “тренажёром для мазохистов”. Мне же довелось прочесть в одном оксфордском учебнике русского языка такой комплимент в его адрес: “...Сумасшедше трудный по произношению и количеству непредсказуемых исключений”. Ещё вспоминается высказывание моего знакомого американского слависта: «Я всегда считал, что история народа напрямую зависит от характера его языка. Случай с русским – чуть ли не самый красочный: если американец начинает отвечать на заданный ему вопрос, как правило, со слов “Yes...” или “Well...”, то русский непременно предпочтёт заставку «Нет, ну...», то есть неосознанно задаёт некий отправной негатив. К тому же, на вашем языке любую идею можно выразить столь красиво и исчерпывающе, что после изречённого возникает ощущение, будто эта идея уже осуществлена! Может, поэтому русская история так щедрa на трагические абсурды?». А ведь и вправду: мне что-то не припоминается иноязычный аналог нашей поговорки «Сказано – сделано», как и речевой заставки «Да нет...».

При всём моём преклонении перед родным русским языком, иногда про себя называю его «наречием испорченного телефона». Однажды кто-то сказал при моём приятеле: «Мы были

на спектакле “Мастер и Маргарита”...». «Что?», -- недоумённо повернулся к говорившему мой товарищ. – «Матерный оргалит??». В другом случае, мой знакомый прохаживался с девушкой по одному из московских лесопарков. У девушки зазвонил сотовый: её мама интересовалась маршрутом дочери. «Как называется этот парк?» -- спросила она кавалера. «Покровское-Стрешнево!» -- прямо в трубку ответил он. «Интересно, почему это??» -- воскликнула строгая мама. Выяснилось, что она услышала: «Вопрос излишний!»... А чего стоит случай из ноября 1978 года, когда я участвовал в топографической съёмке лабиринтов одной из подмосковных каменоломен – Съяновской! Одна часть нашей спелеогруппы отлучилась в базовый лагерь за припасами и огнём, а другие остались ждать у входного грота под ветром и мокрым снегом (как тогда говорили в спелеоклубе, «испытывая зубостук и мордохлёт»). И одна юная участница экспедиции высказалась: «Не т-т-торопятся! Наверное, им под тентом хорошо у костра-то!». Но девушка так дрожала от холода, что все услышали: «Импотентам хорошо у кастрата!»...

Да, давно пора составить антологию наиболее странных ослышек: галерея кривых лингво-зеркал пригодилась бы!.. Тем более, что постоянно добавляющиеся вслед за новыми реалиями жизни речевые конструкции зачастую оказываются концентратами социальной иронии, всегда помогавшей выжить. Так, с появлением Интернет-издания “Gazeta.ru” возникло саркастическое смысловое измерение. Теперь можно сказать: «Об этом я прочитал в газете, но не в RU». Слышится: «...но не вру!».

Лично мне давно видятся странности и в устоявшейся русской фразеологии. Например, словооборот «называть вещи своими именами». Звучит, как девиз тех, кто обожает вламываться со своим уставом в чужой монастырь: вот сейчас войду и назову всех и вся СВОИМИ именами, поскольку на ваши мне плевать! А лучше бы называть вещи ИХ именами!..

Другая фраза – канцеляризм «исправленному верить». Так и хочется после произнесённого повеления верить именно тому, что исправлено, но никак не исправлению!.. Не могу не процитировать Рене Декарта: «Уточните значения слов – и вы избавите человечество от половины заблуждений!».

Американский лингвист и филолог Джордж Кингсли Зипф (1902-1950) предлагал подступаться к языкам со стороны частоты встречаемости определённых групп слов, разделяя их на ранги по возрастанию и убыванию: чем больше повторяющихся слов, тем беднее язык и тем легче его осваивать. Подход оказался достаточно специфичным, чтобы не найти широкого применения вне среды математиков (но позже, развивая исследования именно в заданном Зипфом направлении, Бенуа Мандельброт сформулировал в 1975 г. теорию фракталов!). Но на данный принцип обратной пропорциональности, известный ныне как «закон Зипфа», всё же были проверены несколько наугад взятых языков: европейские, китайский «мандарин», африканские. В одном из последних – эве (группа ква нигеро-конголезских языков) закон не сработал: в роли незваных пограничников выступили слова-классификаторы. Они дали понять, что европейской прикладной математике подчиняться не собираются. Например, маркер “зо”, передающий понятие ходьбы, с разными словами-конкретизаторами окрашивает одно и то же действие в пёстрые оттенки: зо-дадидади – походка утомлённого, прихрамывающего человека; зо-влавла – быстро и без оглядки

уходящего прочь; зо-люмомолюмо – поспешно семенящего, как мышь; зо-дзедзе – бодрого и проворного; зо-такатака – задумавшегося и не разбирающего дороги; зо-гуатэгуатэ – не разбирающего дороги спьяну; зо-бохобохо – неуклюжего и медлительного; зо-нгивангива – ребёнка, провинившегося в школе и не знающего, как об этом рассказать дома; зо-куэджикуэджи – старика, повстречавшего юношу и вспомнившего себя молодым; зо-хлойхлой – идущего в развевающихся одеждах или несущего длинные покачивающиеся предметы; зо-тиуатиуа – уставшего от работы, но довольного её результатом; зо-уэмауэма – девушки, идущей купаться и на ходу стыдливо сбрасывающей одежду...

В 1950-е годы знаменитый лингвopsихолог (и по совместительству – теоретик анархизма) Ноам Хомски, видя в грамматике универсальное проявление языковых способностей человека, выдвинул гипотезу: существуют основы грамматики, являющиеся врождёнными, генетически запрограммированными уже при рождении. Позволяя ребёнку постепенно овладевать речью в процессе взросления, они строго ограничивают число устоявшихся языковых структур, определяющих порядок слов в предложении. Вспомним, что возрастной период между 5 и 13 годами определяется как «сенситивный», когда подрастающий человек в состоянии овладеть целой пригоршней самых разных языков. Невьясненной остаётся природа растягивания этого периода у некоторых людей, именуемых полиглотами, на всю жизнь. Про себя я привык называть таких моих собратьев по «странности», в отличие от гомо-сапиенсов, гетеро-сапиенсами,,,

На моём мастер-классе студенткою “Ин-Яза” был задан вопрос: «Если не секрет: как Вы с грамматикой воюете?». И у меня вырвалось: «Захожу с тыла и захватываю её обоз!». Заметив оквадратившиеся глаза девушки, разъяснил: «Вместо того, чтобы кормить шиповато-кусачую грамматику своими штурмовыми усилиями, предпочитаю забраться к ней на кухню и потчевать её блюдами, которые сам приготовил из других языков.». И это эксклюзивное меню состоит из моих авторских текстов и стилей. Они возникли как личный способ самовыражения, но впоследствии проявили свойства дидактически-игровых приёмов. Один из них я назвал «интра-ксено-лингвой». Он, в противоположность упоминавшейся муфтолингве, не требует гибридизации и основан на прочтении части слова одного языка на другом, подчас очень отдалённом, в силу удивительно точного совпадения данной части слова первого языка с фонетикой второго. Иногда это порождает смысловые парадоксы, даже оксюмороны, а иногда предстаёт в виде органичайшего взаимовхождения, подобно тому, как сливаются нуклеиновые кислота и основание в процессе сборки белковой молекулы. Как будто бы слово предоставляет свою часть под посольство далёкого (или не очень) языка. Образующийся союз поразительно многомеривает внутренний колорит высказывания, от чего нашедшие друг друга представители разных языков лишь выигрывают: два слова двух разных языков взаимно обогащаются, выяснив, что живут внутри третьего слова из третьего языка. Они, соприкасаясь, счищают друг с друга кожуру банальности и взаимовчитываются открывшимися сердцевинами. Догадываюсь: многим всё это может показаться затяжным метафорическим изыском. Но когда стараешься объяснить суть новорождённых подходов и концептов, чей терминологический аппарат ещё не сформирован, то оптимальный путь к этому лежит через аналогии, на первый взгляд витиеватые. А ведь они – лишь главы первичного путеводителя по ещё не оформившимся до конца нишам знаний и методов.

Приведу образцы интра-ксено-лингвы. Например, слово «мимо» есть не только в русском, но и в гавайском, но там оно означает «аккуратно». В слове «кипучий» саднит финское “kiru” – «боль», а в «госте» -- английское “ghost”, т.е. «призрак». Английское же “mail” – «почта» точно так же читается в фарси, но означает «желание». Избирательной забывчивости можно придать статус противоядия, прочитав предпоследний слог как персидское [йад] – «память». Два других персидских слова – “раз” («тайна») и “руз” («день») – просвечивают в «разгрузке». В слове «глубина» поблёскивает древнееврейское “бина” – «разум». Если им овладеет грусть, почему бы не расширить сознание, записав средний слог на иврите: [шир] – «песня»! Внутри английского “sunshine” («сияние солнца») гнездится арамейское [шай] – «подарок». Нечто евангельское мерцает в совете залить рану chiodo’м: [кьёдо] по-итальянски – «гвоздь». «Царь» несёт в себе тибетское “ца” – «ржавчина». О зяблом туристе скажем, что он – гурман, но напишем по-тибетски [гур], означающее «палатка». Русское «идём!» скрывает в себе венгерское “ido” [идё] – «время». Ещё одно венгерское слово – в «синтезе»: “szin” [син] – «цвет». В имени «Диана» прорисовывается китайский иероглиф “dian” – «электричество». При записи: «жень-щи-на» каждый слог наряжается в причудливый иероглифический костюм – и русский смысл танцует уже по-китайски, означая: «располагать достоверным фактом». Или: в моностихе «Дороги состоят из атомов» “ато” можно записать соответствующим японским иероглифом, означающим «след». А о летящем времени можно сказать одним словом – «история», заменив два слога японским иероглифом [тори] – «птица». Закату хочется сказать: отгори od gory! – уж очень вкусную аллитерацию образует польское «свыше»!.. Грустно констатируя: «Мужичий взгляд на женщину...», в первом слове трудно не заметить опять же польское “uzus” [ужичь] – «употребить». Если же разноязычно взглянуть в столь печально популярное ныне слово «теракт», то можно найти, что оно раскрывает в своём составе французское “terre” [“тэр”] – «земля», и непальское “ракт” – «кровь». Совпадения ли это?..

{Да, слово не воробей. Оно – птеродактиль: вылетев, может полакомиться сказавшим.}

/Автор/

БУДУЩЕЕ

В научно-фантастической трилогии И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» -- «Сердце Змеи» -- «Час Быка» есть эпизод: земной звездолёт во время дальней экспедиции неожиданно встречает космический корабль с неведомой планеты, жизнь на которой развилась на основе фтора, в то время как на Земле основа жизни – кислород. Это означало, что непосредственные контакты немислимы: представители двух цивилизаций не смогут прожить в атмосферах друг друга ни мгновения. И тогда, наведя мост-галерею между звездолётами, астронавты, находясь по разные стороны прозрачной стены, принялись по очереди рисовать на ней графические визитки своих миров: от географии планет до атомных моделей важнейших веществ жизненного цикла (думаю, получилось нечто похожее на рисуночное письмо юкагиров из Северо-Восточной Сибири, принимаемое непосвящёнными за картины абстракционистов). В финале встречи землянам удалось смягчить отчаянье фтородышащих (этот элемент, в противоположность водороду и

кислороду, очень редок во Вселенной), рисуночно высказав идею генно-инженерной замены в будущем фтора на кислород. Не правда ли, эта сцена достойна того, чтобы быть психологической матрицей для выстраивания по ней способов первичного понимания между носителями крайне непохожих языков, а, следовательно, и образов мышления! Конечно, многие скажут, что часты ситуации, когда некогда вдаваться в тонкости и листать разговорники. Соглашусь, но уточню: следует не листать готовые, а создавать свои – для каждого случая. «Мало быть перекладчиком слов», -- говорил мне один высококлассный военный переводчик. – «Необходимо уметь переводить состав воздуха, которым эти слова дышат». А ведь этот воздух и есть главная тонкость, подобная солнечной короне, которая становится видимой только в минуты затмений. Не учитывающий этого похож на врача, который лезет со штыковым скальпелем туда, где требуется лазерная хирургия. Такие «врачи» в избытке встречаются как среди начинающих «въезжать» в языки, так и среди опытных методистов. Первые, набрав даже весьма ощутимый лексический запас изучаемого языка, продолжают говорить по-родному, только иноземными словами. Вторые же преподают язык профессионально-добродно, но словно держась в рамках старых светских пособий по «хорошему тону» с их салонно-правильным мыслиеизложением (помните, как героиня пьесы Дж. Б. Шоу «Пигмалион» потешалась над речью доктора Хиггинса, казавшейся ей мертвенно-вычурной?). А ведь такого профзаболевания, как «дидактический диабет», можно избежать, если «разноцветить» свой взгляд на «перепады напряжения» в усвояемости языков. Аналогия с физикой не случайна. Никто до сих пор не знает, что собственно такое электрический ток; известно лишь, что его порождает разность потенциалов. Нечто сходное можно заметить и в одновременном изучении разных языков, если подкрасться к ним из далёких друг от друга областей знаний и самовыражений, а также предполагаемых ниш использования. При этом важно учитывать, что излишний прагматизм в поисках извлечения максимального кпд языка (идиоматически выражаясь, стремление «от добра добра искать») сводит к нулю все усилия по его изучению. Но кто воспринимает язык как живое существо, старшего брата по разуму и советчика, предлагая свою дружбу, тот имеет все шансы на взаимность.

Наглядней всего такую взаимность помогает представить осознание языка как фрактального организма. Пару раз мы уже произносили термин «фрактал» (от латинского «fractum» – «дроблёный»). Он введён Бенуа Мандельбротом в 1975 г. и изначально подразумевает графическую ипостась алгебраических формул, фигуру, каждая точка которой несёт в себе информацию и особенности ландшафта всего построения. Фракталы – это способ визуализации скелетов процессов мироздания; они – параметры «упорядоченности хаоса», позволяющие описать явления, которые, на первый взгляд, не обладают ни формой, ни закономерностями. Фрактальная геометрия имеет свою классификацию, наподобие таксономии во флоре и фауне; она – область науки/искусства, родившаяся на их стыке и ярче всего иллюстрирующая постулат симбиоза контрастов. Фрактальные проявления структуры Универсума окружают нас повсюду: сетка трещин в асфальте («ковёр Серпинского»); строение растений и животных («папоротник Хаусдорфа»); карта населённого пункта («множество Жюлиа»); изрезанность морского берега («кривая Коха»); строение атомов и галактик («спираль Ферхюльста»); генетические мутации, колебания биржевых индексов, социально-исторические катаклизмы («бифуркации Мандельброта»); гравитационные поля звёзд и планет («аттракторы Лоренца»)… Приведённые примеры суть иллюстрации тотальной затекстованности мира, и

именно такое его восприятие – залог успешного освоения языков. Действительно, Вселенная – это грандиозный конгломерат текстов, примеры которых мы только что перечислили. Уподобив все эти проявления жизни письменностям и логикам различных языков, можно предположить: всё это – тексты, изначально существующие или неосознанно творимые человеком. Возможно, именно их Х.-Л. Борхес и назвал «письменами Бога»?..

Грамматический и психоэмоциональный строй любого языка также представляет собою образец фрактальной структуры. Он обладает всеми признаками и свойствами самовоспроизводящихся организмов, чьи ткани способны к регенерации в случае утраты участков кожного покрова (читай: формы высказывания) или конечностей (читай: синтаксических признаков), обладая компенсаторными реакциями (английский язык, при его синонимичной бедности, выходит из положения через формирование армии глагольных идиом) или защищаясь от потери самобытности как ассимиляцией заимствований и/или новообразований (как в русском языке), так и подыскиванием их аналогов, основанных на исконном материале (как в исландском языке).

Фрактальный подход к изучению языков сродни взгляду на него сквозь фасеточный глаз стрекозы: каждый микроглазок отвечает за определённое грамматическое и эмоциональное склонение слов и смыслов, участвуя в мозаичном складывании портрета языка в динамике его развития-взаимодействия с другими наречиями – как и с искателями подходов к нему.

Думаю, стоит рассматривать полиглотство как биофеномен, являющийся каталогом всех известных ныне фракталов. Именно мульти-фрактальной структурой представляется, в частности, «физантроп» -- электродинамическая, нейрочастотная модель биотрансформации объективного пространства в субъективный мир, предложенная киевским биофизиком Г. Б. Богдановым в начале 1990-х годов. Действие этой модели, по мнению учёного, построено на взаимодействиях двух информационных групп анализаторов: образных (зрение) и языковых (слух, обоняние). «Единовременная увязка признаков внешнего мира» служит здесь основой для трансформации этих признаков, в нашем случае – языков. Взаимодействие двух типов анализаторов с памятью при посредстве «генератора речи», считает автор, создаёт «виртуальное рефлекторное состояние разумной структуры», являющейся «электрофизическим портретом мысли». Вероятно, умение развесить «портреты» языков по их цвето-звуковой гамме, фактуре, хроно-географии и мифологии и кристаллизует психологический субстрат полиглотства. И если Г. Б. Богданов называет своего физантропа «потенциальным протезом целого мозга», то многоязычие – жизненно важный орган, выращиваемый разумом.

Одной из решающих штурмовых (уже в этом слове слышится украинско-белорусское «мова» – «язык»!) лестниц, приставленных к лингво-бастионам, оборачивается осознание себя как произведения искусства, сотканного из языков, постигнутых и ещё не известных. Очередной новый язык словно распознаёт в изучающем что-то своё-родное, какие-то “native features”, и даёт ему знать о своём согласии включиться в его обмен веществ – с условием взаимообогащения. Это во многом согласуется с мнением Д. С. Лихачёва, отмечавшего, что истинно самоценный писатель – не тот, кто отражает действительность, а тот, кто её создаёт. Конечно, не все созданы писателями, но тот, кто подыскивает свои, авторские ключи к усвоению языков, неосознанно вписывает себя в них!

В одном из рассказов американского фантаста Роберта Шекли повествование ведётся от лица профессионального межпланетного полиглота, привыкшего к роли лингвистической группы захвата: именно от успеха его попыток найти общий язык с аборигенами новооткрытой планеты зависит успех дальнейшей экономико-политической экспансии землян в Галактике! Наш полиглот прибывает в гости к цивилизации, чей язык неузнаваемо изменяется каждый день, и впервые признаёт поражение: «Ребята, Земля к вам никогда не сунется: вы сломали наши представления о законах лингвистики, заставив нас зависнуть в вакууме!». А, ступая по вакууму, недолго потерять путь и к самому себе. Это очень похоже на состояние невесомости. В моих глазах это слово распадается на норвежское “neve” – «горсть» и греческое “soma” – «тело», порождая очередной направленный смысло-взрыв: познавая язык, горстями черпаешь вкрапления себя в его тело. Это индуцирует состояние, отдалённо родственное невесомости, но никак не зависанию в ней: ведь вместе сходятся желание дословно понять изложенное на пока ещё не знакомом языке и самодостаточность графической мелодики знаков языка. Такое предощущение напоминает «дожидаемость» инструментального воспроизведения до поры молчащей партитуры. Сам же изучающий при этом совмещает в себе функции музыкального инструмента и композитора, сочиняющего мелодию по мере её исполнения. Описанное изменение психоземotionalного статуса я склонен считать одним из важнейших «кодов доступа» к не напряжённому освоению языков.

Вселенная всеми своими проявлениями так и напрашивается на то, чтобы её воспринимали как необозримый, неохватный конгломерат языков. Возможно, эта «затекстованность» Мироздания или, если угодно, свойственный моему на него взгляду текстоцентризм позволяет ещё на подступах к языкам определять: в какую сторону и как широко распахиваются ведущие к ним двери, многие из которых, как оказывается, снабжены ещё и окнами! Именно в такой образ у меня однажды «оскульптурилась» очевидность более действенного подхода к языкам с взгляда на них как на многомерно-ландшафтные формы жизни. Они могут предстать историческими пейзажами с разнонаправленными во временах и языках ответвлениями событийных цепочек, в отличие от собственно истории оперирующих сослагательными наклонениями, напоминая многослойную раздвижную ученическую доску, сконструированную Львом Ландау: она – будто театральные кулисы, состоящие из набора нескольких постановочных планов. По ходу спектакля они позволяют моделировать реальности в любом порядке, а в нашем случае – прощупывать наиболее оптимальный (не приравнивать к понятию «лёгкий»!) и нетрадиционный (можно отождествить с «приключенческий») путь.

Тут мы подошли к ещё одному творческому преломлению методов лингвистики — восприятию нового для нас языка как театра, ждущего: когда же найдётся режиссёр, который новаторски возьмётся за оживление простаивающего репертуара?.. Отсюда – ещё одна аналогия (в этом слове просвечивает священно-жреческое «аналой»!): уподобление языкознания театральному действу. Сам углубляющийся в языковые толщи в этом случае предстаёт в одном лице: актёром (заучиваемая роль – фразеологические конструкции); суфлёром (самоподсказки – мнемонические приёмы вроде созвучия: «собака» -- “it’s a barker”, т.е. «тот, кто лает»; «алкоголик» -- “ал кого лик”); рабочим сцены (смена декораций – тем разговора на данном языке, причём каждый предмет реквизита может представлять отдельную грамматическую категорию или язык); бутафором (произвольная перемена местами эмоционально-смысловых объёмов); драматургом (сочинение текстов на этом

языке); режиссёром (поиск нетрадиционных путей взаимодействия языковых пластов между собой и с изучающим). А коль скоро театр начинается с вешалки, что в нашей параллели означает: с логики высказывания, то её можно установить прямо на сцене. Так будет удобнее периодически меняться с языками костюмами – психологическими рефлексиями реалий и воображений, а вешалка станет полноправным персонажем, переходящим из пьесы в пьесу и меняющим платье – подходы к разноязычным говорениям-думаньям. Возможно, нечто подобное когда-то и навело Бертольда Брехта на идею использования в пространствах своих пьес приёма, названного им “Veranderungeffekt” – «изменение» или в театральном контексте – эффект «очуждения», отстраняемости актёра от собственно себя при погружении в роль. Нечто похожее мне приходится испытывать на первых ступенях «заныривания» в язык. Простые словесные конструкции, очерчивающие берег незнакомого озера, могут сулить ровное песчаное дно-сцену, но, бывает, угостят резким, каменистым перепадом глубин, сляясь столкнуть с рампы-лексики.

Именно таким театром текстов представились мне ландшафты Земли, снятые с борта орбитальной станции лётчиком-космонавтом Валерием Корзуном. С ним я познакомился, придя в Московский Центр Языковой Психологии (CLP), куда меня пригласили к сотрудничеству осенью 2006 года. Различные участки суши и моря зазвучали у меня в голове наперебой на многоцветных языках, явив готовые к прочтению космические хроники всех этапов рождения и эволюции планеты. Я увидел в них палимпсесты, в которых строки различных эпох, многоэтажно наложенные временем один на другой, не взаимоуничтожились, а превратились друг для друга в учебники психолингвистики. Но, как фотохудожнику, мне захотелось преобразовать их, вживив в ткань фотокомпозиций своё прочтение этих ландшафтов на разных языках и тем самым помочь им продемонстрировать своё полиглотство. А когда я узнал, что В. Г. Корзун, работая на орбитальной станции, успешно обучался английскому языку по методике, разработанной CLP, у меня появилось предположение: космонавт неосознанно использовал эти пейзажи в качестве вспомогательного учебного пособия. Естественно, мне захотелось сопроводить эти взгляды на планету своими фрактальными фотокомпозициями, как и лингвобеленами, а с помощью полученных триптихов избавиться от ощущения невесомости, возникающего при долгом рассматривании космических пейзажей.

В земной жизни встречается состояние, родственное невесомости: оно не из приятных и знакомо многим под прозвищем «зависание» (особенно, когда, сдав кандидатский минимум по иностранному языку, аспирант выносит лишь кандидатский «мини-ум»!). Его создаёт ощущение неопределённости, возникающее, в частности, при потере уверенности в своих возможностях освоить иностранный язык: разнородные стрессы порой отбивают желание впитывать самые захватывающие знания, формируя хищника – внутреннюю невесомость. Она во многом продолжает «ввинчиваться» в сознание изучающих языки усилиями преподавателей, стоящих на архаичных позициях «вколачивания» в сознание учеников грамматических правил. Похоже, что вознамерившегося овладеть языком квалифицированно пытаются убедить: прежде чем отведать лакомое блюдо, изучи его молекулярный состав и биохимию усвоения! Так и слышится жалостливая ирония голоса Оскара Уайльда, заметившего в адрес ирландского писателя Джорджа Мура: «Он писал на блестящем английском языке, пока не открыл для себя грамматику». Отсюда и вырастает диктатура правил, заставляя перефразировать поэта: язык познавшим можешь ты не быть,

но вот лингвистом стать обязан!.. Этот абсурд не может не вызвать лингво-аллергию. Попутно замечу: перестановкою всего двух букв в последнем слове можно получить итальянское “allegria” – «радость»! Аналогичным образом на первое место необходимо поместить формирование навыков спонтанной речи, другими словами – автоматизированное владение ею, когда говорящему не приходится мысленно (а иногда – буквально!) всякий раз выхватывать схему устройства фразы на изучаемом языке: фраза словно сама выхватывает из памяти нужные ей слова-элементы, выстраивая себя и чем-то напоминая самосборку белковой молекулы из нуклеиновых кислот и их оснований. Космонавты же тем более не могут себе позволить гоняться всякий раз за схемой речевых построений среди невесомости орбитальной станции, в условиях которой оперативная память человека теряет до 75% своей мощности. Именно в таких условиях В. Г. Корзун в течение полугода успешно осваивал иностранный язык на орбите по методике CLP, одна из ведущих особенностей которой – не только повышение и стабилизация активности левого, языкового полушария мозга, но и активизация полушария правого, являющегося пультом управления творческих способностей, плюс – синхронизация деятельности обеих «полу-планет» человеческого мозга. Изучающий будто совершает исследовательский облёт самого себя на космолёте-языке.

Многие согласятся: знакомство с миром растений и животных лучше начать с поездки за город или с похода в зоопарк, но не со штудирования неподъёмных описаний и определительных таблиц. Так и вхождение в язык должно начинаться с живого лингво-психотренинга, когда лексический запас не заучивается словарными списками-плитами, а komponуется в речевые модели-матрицы. Каждому представится возможность самому обточить эти «плиты» до приемлемой ему формы усвояемости, изукрасив их авторскими граффити-ассоциациями и невольно запустив механизмы формирования навыков спонтанной речи и аудирования – понимания речи на слух.

Кто знает: может, человек научился бы передвигаться по воздуху без технических приспособлений, если бы авторами самоучителя «летания» могли бы стать сами птицы! Думаю, этот принцип должен быть задействован в методиках грядущего: вместо продиранья сквозь колючий грамматический «подлесок» изучающему предлагается «парение» от одной лексической рожи к другой.

Важным подспорьем в таких перелётах оказывается эвфония (буквально – «благозвучие»). Ещё в юности в неких писательских мемуарах (увы, не помню, в чьих!) мне встретилась глава, где автор вспоминает, как интерес к культурам и языкам дальних стран в нём пробудили непривычно звучащие фамилии учёных-путешественников: «Грум-Гржимайло! Миклухо-Маклай! В первой для меня гремел гром над мачтами фрегата, во второй под его килем клокотала перекастистая рифма!..». С точки зрения лингво-дайвинга, это очень ценное наблюдение, несмотря на кажущееся «архитектурное излишество». Знаю по себе: чисто звуковые эмоции ощутимо помогают вчувствоваться в незнакомый ещё язык, словно становясь психологическим чернозёмом изучающего, на котором ему предстоит взращивать древо постигаемого языка. В этом отношении показателен момент из биографии Иосифа Бродского. По воспоминаниям его знакомых, ещё юный поэт всерьёз заинтересовался английским языком и литературой, будучи зачарованным эвфонией имени

английского поэта 17 века Джона Донна: для русского уха в нём не смолкает эхо от удара колокола!..

В мнемоническом эффекте эха мне доводилось убеждаться, когда я нараспев произносил слова новоусваиваемых языков в горах Афганистана или в коридорах и гротах пещер Подмосковья. Мне тогда подумалось: резонансный отзвук произнесённого слова – это душа языка, вышедшая на прямой контакт с изучающим его. Слова, отразившись от скал, возвращались, обогащённые какими-то пряными, но очень естественными для них интонациями: они делали многослойнее разновкусье слов, и тем аппетитнее было их усваивать.

Кстати, о съедобности. Помню, в пору моего детства (рубеж 1960-х и 1970-х) чудесным гибридом угощения, аттракциона и урока правописания для меня была вермишель, выпускавшаяся в виде цифр и букв. Я вспомнил о ней в начале «полиглотного» периода моей жизни и тем помог ему разогнаться, вырезая из хлебных корок и яблочной кожуры графемы (знаки) непривычных языков (китайского, персидского, санскрита, рунических письменностей, клинописи). Убедившись, что уже в состоянии воспроизвести по памяти какой-либо знак, я просто съедал его изображение. Наверное, прозвучит смешно, но это помогало! Эффективность такого вкусного наглядного пособия мне пришлось наблюдать в памятный день 29 февраля 1992 года, когда ярчайший поэт «московской новой волны» Нина Искренко (1951-1995) организовала поэзо-хэппенинг (коллективное арт-действие) «Всё лишнее»: были приготовлены печенья в форме букв старославянских алфавитов – кириллицы и глаголицы. Большинство участников акции видели эти буквы впервые; но каждый мог написать их после того, как съедал кондитерские воплощения букв, предварительно возгласив названия.

Иногда случается: кто-то, приобретя очень ценную импортную технику, обнаруживает, что инструкция к ней напечатана на дюжине языков, среди которых нет русского. Поэтому крайне важным будет сочетание «скачивания» языка с его носителя с ментальным подходом, свойственным обучающемуся. Ведь лингвист, для кого данный язык – родной, даже при всей своей квалификации и профессиональной интуиции преподносит его с позиций своей национальной культуры и мышления. Это особенно становится очевидным при переходе к чтению и письму: прежде, чем построить фразу на изучаемом языке, ученик мысленно выстраивает её «здание» по-русски, затем разбирает эту «избушку» по брёвнышку, каждое из которых неимоверными «магическими» усилиями трансформирует в кирпич-лексику, арматуру-грамматику и черепицу-фразологию, складывая небоскрёб своего предвзятого представления об иностранном языке. А, войдя в него, обнаруживает, что в таком псевдо-архитектурном монстре нельзя жить: ведь достигнут лишь вымученный образ языка, но не портрет его. Продолжая нашу строительную метафору, отметим: методики будущего начнут «встраивать» в сознание изучающего привычку возводить лингво-дворец из родных для него материалов. Это и препятствует превращению постройки в быстро ржавеющий (читай: забывающийся) складской ангар. Весь описанный подход подобен возведению храма из мрамора, добытого в каменоломнях далёких стран: приобретая колорит местных стилей, здание не отменяет своеобразия стройматериала.

Ещё в 1885 г. немецкий лингвист Герман Эббингауз на опытном материале построил «кривую забывания», показав: через день после механического заучивания в памяти сохраняется лишь около 30% прочитанного. Продуктивность же смысловой памяти в среднем в 25 раз выше механической. Так впервые была показана зависимость длительности сохранения от готовности запомнить материал, обусловленной интересом к нему. Пожалуй, это был первый теоретический шаг к преодолению внутренней невесомости при изучении языков.

В условиях же невесомости космической человеческая психика оказывается в на редкость стрессовых условиях функционирования. Человек подвергается сенсорной депривации – изолированности от большинства привычных ощущений.

Визитками лингво-дайвинга в будущем станут методики (такие, например, как разработанная специалистами CLP), являющиеся одновременно и обучающей «ракетой-носителем» (в которой ученик почувствует себя с самого начала и пилотом, и штурманом), и лечебно-профилактическим средством, гармонизирующим все виды восприятия взаимопротивоположных знаковых систем. Будет уничтожено такое проклятие, как осознание тщетности усилий что-либо запомнить (в обиходной речи описываемое состояние иногда называют «самовзводом безнадёги»). Отомрёт общепроклиняемое корпение над словарями. Это обеспечит продуктивный унисон всех граней образно-ассоциативного мышления и позволит не только преодолеть разнородные стрессы (от внутренних психологических разладов до внезапных стрессов извне), но и заставить их работать на обучающегося. Такие методики будут закладывать новые степени лингвистической свободы и интереса к языку, демонстрирует несостоятельность стереотипа о «неспособности к языкам», оказывающейся архаичной отговоркой: существуй такая неспособность, человек не освоил бы и родной язык! Сей лингвофоб неосознанно зачисляет себя в стаю тех несчастных «маугли», которых иногда обнаруживают в тропических лесах: похищенные дикими животными во младенчестве и выращенные ими, эти бедняги уже не в состоянии овладеть родной речью. Так стоит ли похищать у себя самого свои же возможности?..

Методики будущего возвратят обучаемого к естественной, изначальной манере постижения языков, но на качественно ином уровне, одновременно вселяя уверенность в собственных интеллектуальных возможностях. Стресс окажется прирученным, а психологический вакуум, засеянный языками, ростки которых будут «политы» нетривиальными подходами к их изучению, станет пригодным для дыхания.

О МЕТОДИКЕ CLP

Методика CLP является в чём-то эволюционным продуктом (если не сказать – существом!) осмысления многих других подходов к овладению иностранными языками, и потому прежде всего нацелена на понимание, говорение и думанье на изучаемом языке, отталкиваясь от «вживления» в сознание учащегося необходимого объёма лексических и фонетических шаблонов. Они и становятся двигателем речевого «конвейера», на котором осуществляется автоматическая сборка фразеологических блоков, характерных для

данного языка. Поэтому методику в чём-то можно сравнить с ткацким станком, настроенным на характерные для определённого фасона платья (читай: языка) узоры. Без них одежда, если это не строгий рабочий костюм (вроде искусственно созданных языков), безлика. Но всякий язык «одет» в своё платье, чья национально-культурная принадлежность «выписана» характерным орнаментом. Именно на ненавязчивое впитывание такого психологического орнамента и направлена методика CLP. Это достигнуто, в частности, лёгким и непосредственным переходом от устной речи к чтению и письму, минуя резкие перескоки, присущие устоявшейся школьной манере обучения. И это роднит методику с естественным овладением родной речью с последующими автоматизмом и спонтанностью её использования. Грамматика же по методике CLP даётся на фоне уже сформированных речевых навыков, выступая в качестве ясной и гармоничной системы, и потому не кажется неким неприступным замком, к стенам которого изучающий безнадёжно приставляет штурмовые лестницы – свои старания запомнить зловещие правила языка, подобные бойницам крепости. Наша методика – это наведение мостов к воротам в замок через окаймляющий его ров несходства с родным языком изучающего.

Более того: посредством методики CLP выявляются личные психо-информативные особенности человека, т.е. как он воспринимает, обрабатывает, хранит и применяет информацию. У слушателя программы формируется «чувство языка», достраивая ещё один речевой центр. Продолжая нашу «рыцарскую» аналогию, можно сказать: каждому, кто вознамерился поселиться в замке-языке, методика позволяет индивидуально подобрать не стенобитный таран, а коня и сбрую для въезда в крепость в качестве желанного гостя.

Принципиально важно и то, что лексическое наполнение программ создано носителями языка, тогда как контроль над процессом обучения ведут российские преподаватели – как если бы кто-то осваивал зарубежную модель какой-либо аппаратуры, а переводчик помогал бы ему понять тексты на деталях и в инструкции.

Никто не станет отрицать: проще и безопаснее перейти реку, не прыгая по застрявшим поперёк её русла разрозненным брёвнам, но лишь предварительно скрепив их в наплавной мост. Так и лексика в представляемой методике не затверживается списками, а komponуется в речевые модели, которые впоследствии преобразуются в навыки живой устной речи, не оставаясь в рамках традиционных разговорников, где фразы подаются в дистиллированно-мертвенной («обще-кондовой») форме.

Методика CLP оптимизирует процесс самостоятельной работы, делая его быстрее и эффективнее, избавляя от мучительного механического заучивания. Это чувство сравнимо с радостью моряка, вдруг обнаружившего, что тяжёлая баржа, нагруженная устоявшимися громоздкими правилами, не приварена намертво к несущему катеру, а легко отцепляется. Нет нужды опасаться, что в ней останется неподъёмная библиотека словарей и речевых навыков, которые «затонут» при длительном отсутствии практики чтения и общения на усвоенном языке. Навык, в отличие от знания как такового, имеет физическую, мышечную природу и, будучи правильно сформированным и закреплённым по нашей методике, быстро восстановится: ученик тут же вспомнит, как прицеплять ту «баржу» и воспользоваться её грузом. Он быстро вновь прочтает символику флага, под которым требуется плыть-говорить.

Такая логика изучения оправдала себя, когда изучающим/вспоминающим язык приходилось «плыть» в космосе: по методике CLP успешно осваивали язык сотрудники орбитальной космической станции, где приходилось жить и работать в условиях перманентного стресса. Но не будет рекламным преувеличением сказать: данная обучающая программа – единственная в мире, обладающая мощным антистрессовым воздействием. Материал подаётся на фоне звучания индивидуально подобранной, любимой учеником музыки, создающей в нём творческо-оптимистический настрой и веру в свои возможности – гораздо большие, чем он сам привык считать. Таким образом, весь этот комплекс позитивных ощущений как бы входит в психологический обмен веществ изучающего: он с удовольствием угощается полезным блюдом, овкуснённым разнообразными витаминными добавками, вместо того, чтобы заставлять себя жевать необходимый, но безвкусный обед.

Византийскому летописцу-полиглоту 6 века Прокопию Кессарийскому принадлежит высказывание: «Учение в молодости – это резьба по камню, в старости – черчение на песке». Методика CLP нагляднейшее показывает: языковая память в любом возрасте может обладать прочностью камня, в то же время оставаясь восприимчивою к новым надписям, как песок.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Данное эссе автор не снабдил положенным в таких случаях списком использованной литературы, поскольку писал этот текст, почти всегда пользуясь сведениями, накопленными в памяти за многие годы раздумий над природою полиглотства и способами его достижения. Для составления библиографии понадобилось бы окунуться в уточнение исходных данных всех упомянутых источников, что не представляется возможным: ведь многие из приводимых здесь данных запомнились при прочтении случайно подвернувшихся в разное время книг, а иногда – из журналов или газет, забытых кем-то на бульварной скамейке или в электричке!..